199728.
Даръ А. Коржавина
16/VII — 1919 г.

Годъ 1. Апрѣль 1912 г. № 6-й.

05(57) : 9(5
С-34

Сибирскій Архивъ.

Журналъ археологіи, исторіи и этнографіи Сибири.

199728
106 756.

ИРКУТСКЪ.
Эл.-тип. Т-ва «М. И. Окуневъ и К°».
1912.

Редакторъ-издатель *Н. Лихьковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Сибирскій Архивъ“

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1911 г. Ноябрь, декабрь, январь, февраль, мартъ, апрѣль. 1912 г.

I. СТАТЬИ.

	Стран.	№ книжки.
1. **М. Овчинниковъ.** Н. И. Витковскій .	1	1
2. **П. Собокаревъ.** Изъ жизни Н. М. Ядринцева	11	»
3. **А. Линьковъ.** Археологическія экскурсіи:		
а) с. Усть-Балей и р. Китой .	13	»
в) дер. Крыжановщина-Щукино	16	»
4. **Л.** П. А. Пономаревъ	19	»
5. Духовное завѣщаніе П. А. Пономарева	25	»
6. **А. Линьковъ.** Открытіе мужской прогимназіи въ г. Енисейскѣ . .	34	»
7. Письма **И. Д. Черскаго къ Н. И. Витковскому**	40	»
8. **П. М. Толмачевъ.** Заговоры и повѣрья въ Забайкальѣ	63	2
9. **М. Овчинниковъ.** Олекминскіе скопцы	75	»
10. **П. Собокаревъ.** Отрывокъ изъ воспоминаній о жизни на пріискахъ К° Сибиряковъ, Нѣмчиновъ и Базановъ	91	»
11. **А. Линьковъ.** Открытіе Красноярскаго Щеголевскаго ремесленнаго училища	96	»
12. **А. С.** О декабристахъ Кюхельбекерѣ, Торсонѣ и Фаленбергѣ . .	103	»
13. **Н.** Очевидцы о пожарахъ въ г. Иркутскѣ въ 1879 и 1897 г.г.	105	»
14. **А. Линьковъ.** Пожертвованія на отечественную войну въ г. Иркутскѣ	114	»

	Стран.	№ книжки
15. **К. А. Антоновъ.** Пребываніе въ Иркутскѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА	133	3
16. **П. М. Толмачевъ.** Заговоры и повѣрья въ Забайкальѣ (окончаніе)	136	»
17. **М. Овчинниковъ.** Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Олекминскомъ округѣ	152	
18. **А. Линьковъ** Изъ исторіи народнаго образованія въ Забайкальской области до 1872 г.	166	»
19. **И. И. С.** Къ исторіи бурятскаго хозяйства	169	»
20. Возстаніе поляковъ въ Сибири 1866 г.	176	»
21. **І. Константинова.** Чоно Баторъ (Бурятское сказаніе)	184	»
22. **М. Овчинниковъ.** Оюнъ Кэрэкэнъ Мохсоху. (Якутское преданіе) .	190	»
23. Письма **И. Д. Черскаго къ Н. И. Витковскому.** (Продолж.)	193	»
24. **С. Х. Бейлинъ.** Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ . . .	215	4
25. **А. Линьковъ.** Дѣятели по народному образованію въ Сибири . .	224	»
26. **М. Овчинниковъ.** Матеріалы для исторіи декабристовъ	230	»
27. **А. Ермолаевъ.** Къ археологіи окрестностей г. Канска, Енисейской губерніи	237	»
28. **М. Овчинниковъ.** Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго	243	»
29. **Б. Кубаловъ.** Иркутское обществе и милиція 1807 г.	252	»
30. Разбойникъ Алифановъ	263	»
31 **И. И. Серебренниковъ.** О старинныхъ домахъ и церквахъ въ Иркутской губерніи	273	»
32. Учительскій вечеръ въ г. Иркутскѣ	295	»
33. Береговыя укрѣпленія р. Ангары	306	»

	Стран.	№ книжки.
34. **Прот. Дм. Гагаринъ.** Десятилѣтіе Иркутскаго церковнаго братства во имя Св. Иннокентія	309	»
35. Странный концертъ	318	»
36. **С. Х. Бейлинъ.** Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ. (Продол.)	322	5
37. **И. Корниловъ.** Два сна якута . .	337	»
38. Дневникъ **Н. И. Витковскаго** . .	341	»
39. Изъ прошлого о пушномъ промыслѣ въ Сибири	354	»
40. Изъ міра «закрытаго» заведенія	357	»
41. Первая смертная казнь въ Иркутскѣ	360	»
42. **М. Овчин»иковъ** Кюнней и Юрякянъ. (Якутское преданіе) . . .	363	»
43. **А. Линьковъ.** Изъ исторіи народнаго образованія въ Забайкальской области до 1872 г.	372	»
44. Письма учелика декабристовъ .	376	»
45. **М Овчинниковъ.** Вечерочныя пѣсни	377	»
46. **Прот Дм. Гагаринъ.** Десятилѣтіе Иркутскаго церковнаго братства во имя Св. Иннокентія (Продолж.)	385	»
47. **И. Поповъ.** Прлчины современнаго бродячаго образа жизни тунгусовъ Якутскаго края и тормазы, мѣшающіе имъ осѣсть	417	6
48. **А. М. Серебренниковъ.** Якутскіе врачебные участки и ихъ внѣшняя среда за 1909 годъ	426	»
49. **Д. Хрусталевъ.** Основаніе Иркутской преображенской церкви . .	433	»
50. **А. Линьковъ** Первый печатникъ въ Восточной Сибири	439	»
51. Изъ міра Александровской централки	442	»
52. **В. Загорскій.** Изъ быта и нравовъ Сибири XVIII вѣка	449	»
53. **Н. Мокѣевъ.** Амуръ и Муравьевъ	465	»
54. **Н. Мокѣевъ.** Пасхальныя увеселенія въ Иркутскѣ	495	»

II. ЗАМѢТКИ.

I. Изгнаніе изъ русской азбуки Θ и V. *54.* Чьи стихи? *55.* Тайша Аларскихъ бурятъ Матхановъ. *56.* *Н. Романовъ.* Митрополитъ, потерянный исправникомъ. *58.* Стихи, пѣтые во время обѣда, даннаго по случаю пріѣзда въ Иркутскъ графа Муравьева-Амурскаго. *58.* Сибирская жертва А. Стельснеръ. *59* Сибирская стипендія въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. *60.* Изъ міра труда. *60.* Фальшивомонетчики. *62.* Свѣдѣнія о стоимости имуществъ, истребленныхъ въ Иркутскѣ пожарами 22—24 іюня 1879 г. *62.* II. Злостная эпиграмма на графа М. М. Сперанскаго. *118.* Н. Интересная кость. *119.* Изъ народной медицины. *120.* Яндинская волость. *120.* Дамскіе кольца и браслеты изъ кандаловъ Н. Г. Чернышевскаго. *122.* Смерть и погребеніе И. С. Хаминова. *124.* Судъ скорый, въ первый же день. *125.* Два преданія. *125.* Дополненіе къ лѣтописи Пежемскаго. *127.* Изъ Иркутскихъ маскарадныхъ развлеченій. *131.* III. Иркутскія эпиграммы. *198.* Бѣльская сторожевая башня. *199.* *М. Архангельскій.* Изъ исторіи декабристовъ. *200* Карточная игра въ Восточной Сибири. *203.* Торговые дни и часы для крестьянъ въ Иркутскѣ въ 1780 г. *203.* Изъ учебнаго міра. *204.* Я. О. Лейбовичъ. *205.* *Г. Лобановъ.* Явленія прилива и отлива на Байкалѣ. *206.* Голодный годъ въ Иркутскѣ. *207.* Измѣненія въ Сибирской природѣ. *207.* Церемоніалъ открытія народнаго училища въ Иркутскѣ *208.* Послѣ Иркутскаго пожара въ 1879 г. *210.* V. Къ поѣздкѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА по Иркутской губерніи. *394.* Два письма, относящіяся къ археологіи Сибири. *400.* Иркутскія эпиграммы. *401.* *М. Овчинниковъ.* Обрядъ Арчы у якутовъ Олекминскаго округа. *404.* *Е. Олофинскій.* Изъ старинныхъ правилъ вѣжливости въ Забайкальѣ. *406.* Повозный сборъ въ Иркутскѣ. *406.* *М. Овчинниковъ.* Оюнъ ута Жохсогонъ (Якутское преданіе). *407.* Португалецъ въ Сибири. *409.* Развитіе нищенства въ Иркутскѣ въ 1793 г. *410.* Засуха въ Иркутскѣ. *410.* *М. Овчинниковъ.* Изъ Якутскихъ повѣрій. *413.* VI. *С. Б. Г.* Къ пребыванію въ Томскѣ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА. *500.* *С. Б. Г.* Изъ жизни Тобольскаго епископа Варлаама. *501.* Иркутскія эпиграммы. *502.*

ПРИЧИНЫ СОВРЕМЕННАГО БРОДЯЧАГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ТУНГУСОВЪ ЯКУТСКАГО КРАЯ И ТОРМАЗЫ, МѢШАЮЩІЕ ИМЪ ОСѢСТЬ.

Предлагая читателю настоящія свѣдѣнія о тунгусахъ Якутскаго края, считаю нужнымъ указать, какимъ путемъ оказалась у меня рукопись покойнаго о. Іоанна Попова (1). Она была составлена приблизительно въ 1902—3 годахъ (2) и предназначалась, какъ это я могъ судить изъ отрывковъ рукописи, къ докладу съѣзду миссіонеровъ. Будучи въ 1908 году въ Якутскѣ, я получилъ эту рукопись лично изъ рукъ отца, но такъ какъ я пробылъ тамъ не болѣе 3-хъ дней, то получить какія-либо указанія отъ него—не могъ.

При разборкѣ мною рукописи, я не нашелъ въ ней многихъ страницъ, но, насколько помню, отецъ говорилъ мнѣ, что большую часть свѣдѣній о тунгусахъ онъ давалъ Майнову, намѣреваясь съ докладомъ этимъ представить и книгу Майнова. Но, какъ видно, отецъ раздумалъ послать рукопись куда-либо, потому что у меня бѣловикъ рукописи. Вотъ ея точная копія.

—0—

Въ январѣ мѣс. 1884 г. я былъ назначенъ въ причтъ походной Благовѣщенской церкви. Нынѣ, по истеченіи 18 лѣтъ, отставленный отъ службы походнаго священника, я задался цѣлію свесть къ краткимъ итогамъ дѣятельность свою и въ послѣдній разъ высказаться о нуждахъ бѣдной паствы, тунгусовъ вѣдомства 7 Кангалесскихъ родовъ.

---

(1). Имя о. Іоанна Попова извѣстно изъ труда г. Майнова: «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края» Изданіе В.-С. О. И. Р. Г. О. 1898 г.

(2). Тунгусскій вопросъ за это время ни на іоту не шагнулъ впередъ (за 10 лѣтъ).

И. П.

Прихожанами походной Благовѣщенской церкви числились тунгусы слѣдующихъ родовъ.

1-го Беллетскаго, бродящаго по верховьямъ р. Алдана.
2-го . . . . . по р. р. Алдану и Амгѣ
3-го . . . . . тоже
Бугирскаго, . . . тоже
Никагырскаго . . . . тоже
1-го Шологонскаго . . . .тоже
2-го Шологонскаго, бродящаго по р. Синѣ и ея прит.
Тобійскаго,—у озер. Тобія и верхов. р. Мархи, и
Нюрбуганскаго,—по р. Тальбѣ.

Земли, по коимъ бродятъ эти тунгусы, принадлежатъ къ пустолежащимъ и охватываютъ какъ бы кольцомъ болѣе густо населенныя земли якутовъ.

Тунгусы 7 Кангаласскихъ родовъ суть выходцы изъ Вилюйскаго округа.

Въ концѣ XVIII столѣтія, какъ передаютъ сказанія тунгусовъ, среди Вилюйскихъ инородцевъ вышли крупныя междоусобицы, вынудившія нѣкоторыхъ изъ нихъ бросить свои мѣста.

Явившись въ якутскій округъ, какъ изгнанники, безъ какихъ-бы то ни было средствъ къ существованію, эти тунгусы принуждены были воспользоваться тою помощію, какую предложили имъ якуты.

Эти послѣдніе въ лицѣ пришельцевъ увидѣли дешевыхъ работниковъ-батраковъ. Снабдивъ ихъ необходимыми принадлежностями охоты, надѣливъ даже женами, якуты потребовали въ уплату долга продукты ихъ звѣроловства, бывшаго первое время главнымъ занятіемъ тунгусовъ, вмѣстѣ съ оленеводствомъ и рыболовствомъ.

Но многія причины (увеличеніе населенія, лѣсные пожары, падежи на оленей, особенно въ 90 годахъ прошлаго столѣтія, падежи на пушного и вообще на дикаго звѣря) привели къ тому, что звѣроловство годъ отъ году все дѣлалось менѣе прибыльнымъ; оно одно уже не только не могло служить источникомъ для уплаты ясака, но его не хватало прокормить круглый годъ охотника и его семью. Отсутствіе достаточнаго количества оленей заставляло охотника оставлять семью у якутовъ и, забравши въ долгъ у нихъ необходимые припасы, самому уходить на промыселъ въ тайгу.

Львиная часть добычи должна была уйти на покрытіе части долга, (весь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается покрыть) остальная часть переносилась на слѣдующій

годъ, или отрабатывалась на лѣтнихъ работахъ у якутовъ.

Будучи людьми дѣтски впечатлительными, добродушными, съ одной стороны, а съ другой,—неглупыми въ лучшемъ смыслѣ этого слова, хотя зачастую житейски непрактичными,—тунгусы не могли не замѣтить преимуществъ осѣдлой жизни. Отсюда: стремленіе пріобрѣсти одну, двѣ головы рогатаго скота, лошаденку и клочекъ земли, годной для сѣнокоса гдѣ-нибудь на берегу таежной рѣчки или озера. Исполнивъ свою завѣтную мечту, тунгусъ уже не столь зависѣлъ отъ удачи или неудачи охоты: корова всегда дастъ ему пищу, а лошадь —большій заработокъ. Учитывая это, тунгусъ понималъ, что охота можетъ быть только подспорьемъ, доходъ съ котораго можетъ пойти на уплату ясака и на увеличеніе скотоводческаго хозяйства. (3).

Однако, якутамъ было невыгодно выпускать изъ своей зависимости почти даровыхъ работниковъ.

Измышляется остроумная исторія: русскій Царь, завоевавъ Якутскую область, отдалъ русскимъ города и селенія, якутамъ назначилъ рѣки и озера, а тунгусамъ— тайгу, и это такой порядокъ, который уже нельзя измѣнить. Тунгусы вѣрили, вѣрятъ этому «закону» и теперь еще; якуты же старательно поддерживали эту вѣру.

Первые попытки тунгусовъ получить землю удобную къ занятію скотоводствомъ, не увѣнчались успѣхомъ и лишній разъ подчеркивали правильность разъясненій «закона» якутами. Обходъ его былъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если тунгусъ входилъ въ семью якута въ качествѣ зятя, проще—являлся его батракомъ.

Тогда, послѣ смерти хозяина, онъ могъ надѣяться, что жена, оставшаяся членомъ даннаго якутскаго рода, будетъ и впредь владѣть землею.

На участкѣ хозяина тунгусъ дѣлалъ расчистки, строилъ жилище. Если наслѣдники хозяина не притѣснили

---

(3) Таковы взгляды и желанія большинства тунгусовъ. Но исключеніемъ являются тунгусы 1 Беллетскаго рода, которые, обладая большимъ, сравнительно съ другими, количествомъ оленей и кочуя по удобнымъ для оленеводства рѣчкамъ, къ осѣдлости особенной склонности не проявляютъ.

Прим. автора.

родственника-тунгуса, то таковой постепенно отвыкалъ отъ бродячей жизни и становился скотоводомъ.

Звѣроловство для него являлось лишь подсобнымъ промысломъ, а съ паденіемъ выгодности охоты—и совершенно забрасывалось.

Во всякомъ случаѣ, положеніе осѣвшаго среди якутовъ тунгуса являлось далеко непрочнымъ, зависящимъ во многомъ отъ доброй воли хозяевъ-якутовъ.

Но если тунгусъ не входилъ въ родственныя отношенія съ якутомъ, то стоило ему только осѣсть, хотя-бы на совершенно пустынномъ мѣстѣ, стоило ему какъ-нибудь обстроиться на немъ, съ большимъ трудомъ расчистить клочекъ земли подъ пашню или выгонъ,—какъ немедленно поблизости появлялись сперва амбарчикъ, а затѣмъ и лѣтникъ якута, который заявлялъ, что мѣсто это принадлежитъ его наслегу, которымъ оно отведено ему, имя рекъ.

Впрочемъ, чтобы не спугнуть тунгуса, якутъ въ началѣ ничего не требовалъ, а просилъ лишь, чтобы тунгусъ иногда помогалъ ему въ работѣ или дарилъ отъ своего промысла.

Но на дѣлѣ эти подарки и услуги приходились тунгусу столь солоно, что послѣдній скоро самъ предпочиталъ перейти къ платежу деньгами.

По мѣрѣ того, какъ тунгусу труднѣе становилось отрываться отъ насиженнаго мѣста, требованія якута все возрастали и, въ концѣ концовъ, переходили въ правильныя и все болѣе тяжелыя условія.

Постепенно якутъ распространялъ свое право собственности на дальнія окрестности, предъявлялъ таковое не только къ осѣвшему тунгусу, но и къ промышленному, который прикочевывалъ къ сородичу во время перерывовъ въ промыслѣ. Такъ и понынѣ за пустыри, ни въ чьемъ пользованіи не находящіеся, но на коихъ во время сугановъ тунгусы останавливаются съ оленями, якуты взимаютъ отъ 50 к. до 1 руб. съ головы оленя.

Но арендная эксплоатація, хотя въ большей части случаевъ и незаконная, не составляетъ главной причины безправнаго положенія тунгуса.

Большее зло составляютъ нерѣдкіе случаи, когда якутъ, отдавъ тунгусу землю въ аренду на «вѣчное время», или на срокъ, и получивъ деньги впередъ, нарушаетъ договоръ.

Въ томъ случаѣ, если договоръ письменный, тунгусъ должень судиться у сторонниковъ своего обидчика и большею частью остается побѣжденнымъ: если же договоръ былъ устный—то безусловно проигрываетъ.

Ходатайства тунгусовъ о надѣленіи ихъ тою землею, на которой ими возведены постройки, которую они сами расчистили или арендовали у якутовъ уже много лѣтъ, рѣдко удовлетворялись, потому что якуты, узнавъ о подобномъ ходатайствѣ, прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы оно было не уважено.

Однако, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, изъ которыхъ я привелъ только главныя, тунгусы все-же стремятся оставить бродячій образъ жизни. Такъ, изъ всѣхъ 7 Кангаласскихъ родовъ, одинъ лишь первый Белletскій не выдѣлилъ изъ своей среды піонеровъ земледѣльческо-скотоводческой культуры. Дальше-же всѣхъ ушелъ 2-ой Белletскій, родовичи котораго оставили бродячій образъ жизни и осѣли.

Изъ осѣвшихъ такимъ образомъ тунгусовъ заслуживаетъ интереса судьба мартыновскаго рода. Онъ осѣлъ уже болѣе 30 лѣтъ среди якутовъ бологурскаго и нахорскаго наслеговъ.

Нынѣшній родоначальникъ его, желая упрочить свое положеніе, рѣшилъ ходатайствовать о надѣленіи его сородичей отчасти пустопорожними землями, отчасти землями, лично расчищенными или арендуемыми уже много лѣтъ. Узнавъ объ этой просьбѣ, наиболѣе заинтересованные якуты приложили всѣ старанія, чтобы Мартыновъ потерпѣлъ неудачу. Это было важно. Мартыновъ—вліятельный человѣкъ среди своихъ сородичей, и разъ его ходатайство не будетъ удовлетворено, то онъ разорится, обратится въ нищаго бѣдняка и примѣръ его судьбы явится устрашающимъ для другихъ строптивыхъ.

И разсчеты якутовъ оказались какъ нельзя болѣе вѣрными, Мартыновъ же дѣло проигралъ.

Значеніе ходатайства Мартынова, такимъ образомъ, огромное.

Это принципіальное рѣшеніе, если не всего тунгусскаго вопроса, то значительной части его.

Какъ изъ трудовъ ученыхъ изслѣдователей Миддендорфъ, Маакъ, л-ръ Смонинъ, Черскій), такъ и другихъ (Стефановичъ, Майковъ), а равно изъ многолѣтняго личнаго опыта священника-миссіонера, слѣдуетъ придти къ заключенію, что тунгусы Якутскаго округа, по своей и

датливой натурѣ и воспріимчивости, заслуживаютъ особеннаго вниманія среди эродячихъ породцевъ Якутскаго округа, а если принять во вниманіе родственныхъ имъ ламутовъ, служащихъ проводниками русскаго вліянія въ сѣверныхъ округахъ, то то же придется сказать о всѣхъ тунгусахъ области. Но я считаю себя компетентнымъ лишь относительно тунгусовъ Якутскаго округа, а потому только о нихъ и буду говорить въ этомъ докладѣ.

Выше я назвалъ тунгусовъ податливыми. Этимъ терминомъ я называю отсутствіе консервативности ихъ обычаевъ и правовъ. Такая черта характера несомнѣнно есть черта племенная, поддержанная внѣшними условіями существованія племени, раздробленнаго на мелкіе роды и разбросаннаго среди другого, болѣе многочисленнаго народа, съ твердымъ сознаніемъ своей національности якутовъ. Для тунгуса одинаково чужды обычаи, какъ якутовъ, такъ и русскихъ и, при своемъ характерѣ, онъ одинаково охотно усваиваетъ какъ тѣ, такъ и другіе. Находясь среди якутовъ, тунгусъ скоро становится наружно, въ одеждѣ, подобенъ имъ. Но съ такою-же легкостью онъ смѣнитъ якутскую одежду на зипунъ, пиджакъ и пр. русскаго рабочаго. Стефановичъ въ своей брошюрѣ: „Отъ Нелкана до Аяна" упоминаетъ, что „изъ числа рабочихъ экспедиціи два тунгуса изъяснялись по русски, якуты-же, и даже амгинскій крестьянинъ, говорили лишь по якутски». И это не простая случайность. Тамъ же упоминается, что въ Аянѣ экспедицію встрѣтилъ тунгусъ староста Карамзинъ въ черномъ сюртукѣ и глаженой рубахѣ, жена котораго оказалась грамотной и грамотѣ-же обучалась его дочь; та же экспедиція за Джугджуромъ встрѣтила богатаго якута-оленевода Токуя, предстательнаго въ традиціонномъ якутскомъ, съ золотыми пуговицами, сонѣ, сарахъ и пр., а рядомъ съ нимъ его зять тунгусъ—въ пиджакѣ, жокейской шапкѣ и ботфортахъ.

То же самое можно встрѣтить и въ другихъ мѣстахъ, среди другихъ тунгусскихъ родовъ, при чемъ перемѣна одежды зависитъ лишь отъ одной причины —доступности ея по цѣнѣ.

Конечно, одежда, рѣчь—признаки, на первый взглядъ, малозначащіе, но на самомъ дѣлѣ они указываютъ на слабо развитое чувство національности, а эта черта, въ свою очередь, создастъ благодарную почву для насажденія культуры и даже полнаго сліянія такого племени съ

другимъ болѣе сильнымъ,—будутъ ли это якуты или русскіе.

Таковъ характеръ тунгусовъ въ своихъ общихъ и выдающихся чертахъ; благодаря ему, и внѣшнимъ условіямъ, о которыхъ я уже имѣлъ честь сообщить въ предыдущемъ своемъ докладѣ, тунгусы не только склонны къ воспріятію скотоводческо-земледѣльческой культуры, но и при первой возможности переходятъ къ ней.

Въ вышеназванной брошюрѣ Стефановича объ усть-майскихъ тунгусахъ говорится, что часть ихъ объякутилась до того, что не только переняла чуждый ихъ образъ жизни, но и забыла совершенно свой родной языкъ; эти тунгусы ведутъ скотоводческо-земледѣльческое хозяйство, для чего производятъ новыя чистки прибрежной полосы рѣки Алдана. Часть тунгусовъ того же майскаго вѣдомства заняла по р. Маѣ мѣста бывшихъ станцій упраздненнаго Амгинскаго тракта. Нѣкоторые изъ нихъ (Бубенинъ) имѣютъ даже огородъ, гдѣ садятъ картофель, т. е. пошли значительно дальше якутовъ (якуты огородничествомъ не занимаются, по крайней мѣрѣ въ Восточной части округа).

Тѣ-же майскіе тунгусы, черезъ начальника экспедиціи Сидорскаго ходатайствавали передъ якутскихъ губернаторомъ о разрѣшеніи производить, изъ чистки и выпускъ озеръ по р. Маѣ и льготнаго, по закону, отъ податей права пользованія этими вновь занятыми землями. О томъ-же спрашивали меня не разъ различные тунгусы 7 Кангаласскихъ родовъ, ходатайства которыхъ, о надѣленіи ихъ землею часто передавались мнѣ для представленія по принадлежности.

Взглянувъ на карту округа, мы увидимъ, что тунгусы занимаютъ окраины поселеній якутовъ. Такъ, на востокѣ по Алдану и Маѣ—майскіе тунгусы; на югѣ и юго-востокѣ, по р. р. Алдану, Амгѣ, Толбѣ др.—тунгусы кангаласкаго вѣдомства. Всѣ эти земли принадлежатъ къ мѣстамъ или дѣйствительно пустолежащимъ, или же на нихъ очень рѣдкими оазисами встрѣчаются юрты якутовъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти земли не вошли въ надѣлъ якутамъ какого-либо улуса. Ни справедливость, ни чьи-либо интересы не будутъ поэтому нарушены, если тунгусамъ будетъ дано право селиться на пустолежащихъ земляхъ, производить расчистки, выпускъ озеръ на льготныхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ, условіяхъ, т. е.: тунгусы пользуются извѣстное время, безъ увеличенія ясака,

захваченными землями, послѣ чего уже платятъ извѣстный оброкъ. Укрѣпленіе захваченныхъ земель предоставить полицейскому управленію... Жалобы на распоряженія полиціи по сему вопросу предоставить областному правленію, которое о справедливости жалобъ удостовѣряется черезъ землемѣровъ и депутатовъ.

Болѣе затруднительнымъ является вопросъ объ упорядоченіи быта тѣхъ тунгусовъ, кои уже осѣли среди якутовъ. Но такъ какъ такіе тунгусы на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ, въ правахъ, занятіяхъ и отчасти по языку, то справедливо было бы закрѣпить за ними тѣ земли и угодья, коими они владѣютъ извѣстное время на правахъ аренды, дара, или инымъ какимъ порядкомъ.

Это справедливо, потому-что всѣ земли области суть земли казенныя, находящіяся лишь во временномъ пользованіи населенія: такой временный владѣлецъ-якутъ, отдавая землю въ аренду, тѣмъ самымъ нарушаетъ интересы казны, лишая ее возможности получать оброкъ съ дѣйствительнаго владѣльца. Однако, облагая тунгуса повинностями (извѣстными денежными), слѣдуетъ вновь расчищенныя имъ земли считать оброчными лишь по истеченіи извѣстнаго закономъ, установленнаго времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы лишнимъ предоставить право осѣвшимъ тунгусамъ, переходить изъ тунгусскаго рода въ якутское общество, при согласіи, конечно послѣдняго: или же образовывать особое отъ якутскаго сельскаго общества, сельское-же тунгусское общество съ правами и обязанностями, присвоенными назначенной административной единицѣ и съ присоединеніемъ такого вновь образованнаго общества къ ближайшей по ихъ выбору волости. (4).

Кочуя по громадной тайгѣ Якутской области, тунгусы сходятся къ жильямъ якутовъ, во время перерыва въ своихъ промыслахъ: зимою, въ періодъ самыхъ трескучихъ морозовъ, когда промышленникъ долженъ свою добычу

---

(4) По существу, на этомъ мѣстѣ кончается рукопись о. Іоанна. Помѣщаемыя ниже свѣдѣнія повидимому относятся къ этому же самому докладу. На этомъ полулистѣ о Іоанномъ сдѣлана выноска вверху: «2». Не зная, къ чему она относится и предполагая, что много листовъ утеряно, я помѣщаю ее въ концѣ.

И. П.

обмѣнять на необходимые припасы, и лѣтомъ, когда «гнусъ» (комаръ и мошка) гонитъ людей и оленей изъ тайги на открытыя прибрежныя мѣста, гдѣ къ благод.-тельному вѣтру возможно присоединить дымокуръ. (6).

Этими періодами пользовался я при объѣздахъ своихъ прихожанъ, такъ какъ въ другое время найти тунгусовъ невозможно. Съ средины іюня, въ теченіе мѣсяца, я объѣзжалъ обыкновенно стойбища тунгусовъ по правымъ притокамъ р. Лены: половину же декабря и января приходилось посвящать на объѣзды стойбищъ по лѣвымъ притокамъ той-же рѣки. Неудобства лѣтнихъ объѣздовъ было ничто въ сравненіи съ зимнимъ путешествіемъ, когда не одну ночь приходилось ночевать въ снѣгу, подъ открытымъ небомъ, при 50 градусахъ мороза (по Реомюру). Такой морозъ осиливаетъ самый яркій и большой огонь костра. Но, по совѣсти, я не могу сказать, что тяжелѣе отзывалось на миссіонерѣ—неудобства пути или невозможная обстановка совершенія таинства св. крещенія зимой въ урасѣ (5) тунгуса.

Самая большая ураса въ поперечникѣ по землѣ имѣетъ около 2-хъ саженей, въ высоту же до 4 аршинъ. Но эти размѣры имѣетъ рѣдкая ураса, большею же частью $1\frac{1}{2}$ саж. въ поперечникѣ при саженной высоты подъ дымовымъ отверстіемъ. Но и въ самой большой урасѣ дымъ отъ костра наполняетъ все пространство, начиная съ ¾ аршина отъ земли.

По этой причинѣ всѣ, какія только возможно, священнодѣйствія приходится совершать, стоя на колѣняхъ, да и то при условіи маленькаго костра.

Но тогда въ урасѣ быстро наступаетъ холодъ, отъ котораго кипятокъ, налитый въ купель, быстро остываетъ, св. дары замерзаютъ и чашу приходится чуть-ли не накаливать у того-же костра. Снѣжинки погрузить младенца въ уже остывшую воду, снѣжно совершаешь остальныя священнодѣйствія, но все-же волосы у младенца

---

(5). Ураса—коническій шалашъ изъ жердей, покрытый: зимою—оленьими шкурами или корой березы, лѣтомъ—корою березы.

П.П.

(6) Тлѣющіе сухіе экскременты (лошадиные или рогатаго скота), дыма отъ которыхъ не выносятъ комары и мошки. Такія кучи горятъ все лѣто день и ночь.

П. П.

подстригаешь уже мерзлые. При совершеніи таинства крещенія въ этихъ условіяхъ нѣтъ не только торжественности и благолѣпія, но страдаютъ христіанскія чувства въ самыхъ глубинахъ.

Вѣдь таинство совершается у огня, на которомъ подогрѣваешь воду для купели. чашу со святыми дарами, ходишь вокругъ огня (костра), коему и дошлѣ поклаияются маловѣрные тунгусы.

Въ сознаніи ихъ остается представленіе о невозможности окрестить младенца безъ огня и считаться съ тѣмъ, что подобныя дѣйствія священника вызываются лишь суровой необходимостью, они безусловно не будутъ. Они объясняютъ, это, какъ видъ поколенія огню... *)

П. Поповъ.

ЯКУТСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ УЧАСТКИ И ИХЪ ВНѢШНЯЯ СРЕДА ЗА 1909 ГОДЪ.

Якутская область занимаетъ по величинѣ первое мѣсто изъ всѣхъ губерній и областей Россіи.

На этомъ огромномъ пространствѣ могли бы вмѣститься сорокъ восемь губерній Европейской Россіи.

По густотѣ же населенія область уступаетъ не только малонаселеннымъ губерніямъ Европейской Россіи. но и всѣмъ губерніямъ и областямъ (кромѣ Камчатской) Азіатской Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого мѣста. гдѣ температура зимы была бы такъ низка. какъ въ Якутской области.На сѣверѣ Гренландіи. на 82° сѣверной широты, средняя температура зимы —29½° Р., въ Якутскомъ округѣ—30½° Р., въ Верхоленскомъ—37° —42° Р. и только въ Олекминскомъ нѣсколько выше—26° Р.

При такихъ морозахъ почва такъ промерзаетъ. что не успѣваетъ за короткое лѣто оттаять на весь слой мерзлоты.

Ртуть въ градусникахъ превращается въ твердое тѣло. Самымъ центромъ холода является Верхоянскъ. гдѣ иногда температура падаетъ до 56°. а ртуть замерзаетъ на 109 дней. Суровая зима смѣняется знойнымъ лѣтомъ. когда температура въ томъ же Верхоянскѣ достигаетъ плюсъ 30° Р.

---

*) На этомъ мѣстѣ рукопись кончается.

Но лѣто здѣсь коротко и, даже не успѣвъ отогрѣть землю, уступаетъ мѣсто морозамъ, которые, въ срединѣ октября, а то и сентября, сковываютъ льдомъ, достигающимъ восьми футовъ толщины, рѣки и покрываютъ имъ, неуспѣвшую оттаять землю.

Суровое царство льда длится до средины мая.

Климатъ въ Якутской области сухой.

Количество атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ въ области, незначительно и, кромѣ того, крайне неравномѣрно распредѣлено по временамъ года.

Флора области очень однообразна и растительность, въ которой преобладаютъ тайнобрачныя, развиваясь, по краткости лѣта, быстро,—столь же быстро отцвѣтаетъ.

Насколько скудна и однообразна флора, настолько же богата и разнообразна фауна области: на островахъ и побережьи Ледовитаго океана насчитывается до десяти видовъ морскихъ животныхъ, тайга наполнена множествомъ звѣрей и птицъ.

Къ сожалѣнію, многіе виды, вслѣдствіе хищничества звѣропромышленниковъ, совершенно почти уничтожены.

Якутская область заселена незначительною частью русскихъ, девяносто девять процентовъ которыхъ давнымъ—давно объякутились, до полнѣйшей утраты способности излавать членораздѣльные звуки по-русски, и дошли почти до степени полнѣйшаго одичанія.

Главное населеніе этой области составляютъ инородцы, среди которыхъ первое мѣсто по численности занимаютъ якуты, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе ниже, втрое—тунгусы, а далѣе идутъ ламуты, юкагиры и чукчи.

Познакомимся теперь съ пространственными отношеніями врачебныхъ участковъ. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о количественномъ составѣ и распредѣленіи врачебнаго персонала. Врачей въ области было семнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ врачебный инспекторъ и его помощникъ, и 26 человѣкъ фельдшеровъ, фельдшерицъ, акушерокъ и повивальныхъ бабокъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ области были три фармацевта, 1 зубной врачъ и 1 дантистъ. Врачи по области распредѣлялись такъ: шесть врачей въ областномъ городѣ Якутскѣ, пять врачей въ Якутскомъ округѣ, 1 въ Верхоянскомъ, 3 въ Вилюйскомъ округѣ и по 1 въ Колымскомъ и Олекминскомъ округахъ.

Врачебные участки.

Якутскій округъ. Въ 1-мъ участкѣ врачъ проживаетъ въ селѣ Покровскомъ; имѣется два самостоятельныхъ фельдшерскихъ пункта: одинъ въ 250 верстахъ отъ врача въ Нелтскомъ селеніи, другой при Восточно-Кангаласской управѣ, въ 45 верстахъ отъ врача.

Наибольшее разстояніе границы участка отъ врача—450 верстъ; наименьшее—80 верстъ.

Пространство участка составляетъ 160.000 кв. верстъ. число жителей участка равняется 39 тысячамъ человѣкъ. Во 2-мъ участкѣ врачебный пунктъ находится при Намской управѣ.

Наибольшее разстояніе границы участка отъ врача—550 верстъ, наименьшее—10 верстъ. пространство участка равняется 20 тысячамъ квадратныхъ верстъ. Въ 3-мъ участкѣ врачебный пунктъ въ селѣ Амгѣ, имѣется одинъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ въ Мегинскомъ улусѣ, въ 112 верстахъ отъ врача.

Наибольшее разстояніе—600 верстъ. наименьшее—33 верстъ. пространство участка равняется 75 тысячъ кв верстъ, а число жителей—около 27 тысячъ человѣкъ.

Въ 4-мъ участкѣ врачъ и фельдшера проживаютъ въ урочищѣ Чуранча.

Наибольшее разстояніе—900 верстъ, наименьшее 1.5 вер., пространство участка—100 тысячъ кв. верстъ. число жителей равняется 31 тыс. человѣкъ.

Въ пятомъ участкѣ врачъ живетъ въ урочищѣ Баяга. имѣется одинъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ при Дорогонской инородной управѣ. въ 80 верстахъ отъ врача. Наибольшее разстояніе—1000 верстъ. наименьшее—22 версты. число жителей участка—около 25 тысячъ человѣкъ.

Олекминскій округъ.

Одинъ участокъ составляетъ весь Олекминскій округъ. Резиденція врача въ городѣ Олекминскѣ.

Имѣется 2 самостоятельныхъ фельдшерскихъ пункта: одинъ при Нерюктейскомъ волостномъ управленіи, въ 30 верстахъ отъ врача. другой—въ Нохтуйскомъ селеніи, въ 200 верстахъ отъ врача. Наибольшее разстояніе границы участка отъ врача—320 верстъ. наименьшее—10 верстъ, пространство участка равняется 110 тыс. кв. верстъ.

Населеніе равняется 15,113 человѣкъ.

Вилюйскій округъ.

Врачъ и фельдшера 1-го участка проживаютъ въ городѣ Вилюйскѣ. Наибольшее разстояніе—1509 верстъ, наименьшее—136 верстъ; пространство участка—около 50 тыс. кв. верстъ.

Въ 2-мъ участкѣ врачъ и фельдшера проживаютъ въ Нюрбѣ.

Имѣется одинъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ въ Ельгяѣ, въ 170 верстахъ.

Наибольшее разстояніе—2000 верстъ. наименьшее 105 верстъ; пространство участка—14.255 в. В. всемъ Вилюйскомъ округѣ населеніе составляетъ 75.955 ч.

Колымскій округъ.

Одинъ участокъ составляетъ весь колымскій округъ населеніе котораго равняется 6.864 чел. Имѣется два самостоятельныхъ фельдшерскихъ пункта: одинъ въ Верхне. другой въ Нижне-Колымскѣ. оба въ 500 верстахъ разстоянія отъ врача.

Наибольшее разстояніе 1200 вер.. наименьшее —370 вер. 1 участокъ составляетъ весь округъ, съ населеніемъ въ 15,378 чел. Резиденція врача въ г. Верхоянскѣ.

Имѣется одинъ фельдшерскій пунктъ въ селѣ Булунѣ. въ 1000 в. отъ врача. Наибольшее разстояніе—2000 в., наименьшее—500 в.

Расходы на медицинскую часть вообще достигли до 126.469 р. 62 к. Главными источниками содержанія служили суммы, отпускаемыя изъ земскихъ сборовъ (70%). капитала общественнаго призрѣнія (0.3%). остальныя же дали правительство, частныя общества и лица.

Всего въ области больныхъ, обращавшихся за врачебною помощью. зарегистрировано было 33.895. изъ нихъ пользовалось стаціонарно 1.532 и амбулаторно 32.362

Въ 1909 году обращалось къ врачебной помощи на 4.306 человѣкъ менѣе, чѣмъ въ 1908 году, а въ этомъ послѣднемъ году. по сравненію съ 1907 годомъ. менѣе на 1.524 человѣка. Самый значительный процентъ изъ числа обращавшихся за медицинскою помощью составляютъ якуты.

Каковы ихъ образъ жизни и привычки, читатель узнаетъ изъ интереснаго доклада мѣстнаго уроженца, врача Н. А. Попова. который мы здѣсь будемъ цитировать, дополняя личными наблюденіями, которыя ни въ чемъ не расходятся съ фактической стороной упомянутаго

доклада Попова. (См. его брошюру: «Якуты, ихъ образъ жизни, привычки»).

Жилище улуснаго якута устроено или въ видѣ юрть изъ тонкаго лѣса, смазаннаго коровьимъ пометомъ (вспомните при этомъ, читатель, какая масса въ области разныхъ родовъ глины!), или небольшой рубленки въ одну комнату; печь въ жилищѣ устроена почти всегда въ видѣ камина.

(Припомните, читатель, при этомъ пятидесятиградусные якутскіе морозы!)

Рядомъ съ жилымъ помѣщеніемъ устраивается «хотонъ", по просту говоря, хлѣвъ, гдѣ помѣщается весь имѣющійся рогатый скотъ.

Въ такомъ жилищѣ, не говоря объ ужасномъ зловоніи отъ скота, бываетъ или очень жарко, или очень холодно, смотря по заботливости хозяевъ о своемъ каминѣ, и ночью, напримѣръ, когда некому слѣдить за огнемъ, въ помѣщеніи всегда очень холодно.

При этомъ отъ стѣнъ и оконъ, или подобій послѣднихъ въ видѣ отверстій, заткнутыхъ льдинами съ отверстіями, всегда дуетъ, а около этихъ стѣнъ устраиваются ихъ кровати.

Для новаго человѣка, привыкшаго даже къ плохой крестьянской избушкѣ, такое помѣщеніе едва выносимо.

Если къ этому еще прибавить ужасную нечистоплотность во всемъ, съ чѣмъ вы только придете въ соприкосновеніе, невольно является желаніе какъ можно скорѣе выбраться изъ этого ужаснаго жилья, что бы васъ впереди ни ожидало.

Насколько ужасно жилище якута.—говоритъ далѣе докторъ Н. А. Поповъ,—видно изъ того, что путешествующіе предпочитаютъ переносить и холодъ и голодъ и всѣ неудобства лежанія въ экипажѣ въ тяжелой зимней одеждѣ, лишь бы не входить въ юрту якута. Доктору Попову извѣстны случаи, когда непривычные люди, входя въ юрту, чтобы отогрѣться, почти теряли сознаніе, или съ ними начиналась рвота или головокруженіе отъ амміачнаго запаха, смѣшаннаго съ запахомъ коровьяго помета и всѣхъ испареній отъ скота. Такъ устроился якутъ со стороны жилища. Посмотримъ теперь, чѣмъ онъ питается. Пища якута въ большую часть года состоитъ изъ ячменной лепешки и фальсифицированнаго кирпичнаго чая, слегка забѣленнаго молокомъ.

Кирпичный чай въ большинствѣ случаевъ варится съ грязной озерной водой въ мѣдномъ, давно нелуженомъ чайникѣ.

Лепешки же якутами приготовляются слѣдующимъ образомъ.

Извѣстное количество муки (ячменной), приготовляемой собственными средствами на ручныхъ жерновахъ, съ огромнымъ количествомъ остей отъ колоса. непросѣянной, смѣшанной со всякой пылью, случайно попавшей въ муку, замѣшивается на водѣ и затѣмъ раскатывается на грязномъ столѣ или скалкою или, за неимѣніемъ ея, рукой; при этомъ женщины, приготовляющія лепешки, имѣютъ обыкновеніе часто поплевывать на ладони, чтобы скалка лучше работала.

Такъ скатанная лепешка поджаривается на каминѣ или приставляется къ тагану или на сковородѣ.

Какъ только поверхность лепешки зарумянилась. она готова, хотя въ серединѣ ея—совершенно сырое тѣсто.

Кто состоятельнѣе, къ этой лепешкѣ прибавляетъ масла, хаяку (замороженная сметана).

Чай и лепешка съ утра до вечера,—и такъ каждый день —говоритъ врачъ Поповъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ пищевой режимъ сдабривается еще, такъ называемой, „сымой“.

«Сыма» эта состоитъ изъ мелкой озерной рыбы, неочищенной, невыпотрошенной, сваливающейся въ какую ни будь посуду или въ спеціально вырытую для этого земляную ямку и заливающуюся кислымъ молокомъ.

Эта смѣсь начинаетъ бродить до наступленія холодовъ, при чемъ изъ этого получается загнившая, часто кишащая червями масса.

Отъ этой смерзшейся зимой массы отрубаютъ, сколько нужно, и варятъ это съ молокомъ или таромъ.

При варкѣ этой пищи,—пишетъ докторъ Поповъ,— поднимается ужасная вонь: послѣдняя бываетъ настолько сильна, что если въ это время подъѣзжать къ юртѣ, то непривычная къ запаху «сымы» лошадь. безъ энергичныхъ понуканій. не хочетъ подходить къ этой юртѣ.

На почвѣ такого питанія и образа жизни развиваются. конечно, всевозможныя болѣзни, всевозможныя инфекціи. Между прочимъ. распространенію туберкулезной инфекціи способствуетъ еще своеобразное отношеніе якута къ выдѣленіямъ носа и къ мокротѣ.

Послѣднія они разбрасываютъ по всему жилищу, намазывая на стѣны, на лавки и разбрасывая по полу.

Доктору Попову пришлось замѣтить, что безцеремонное выплевываніе указываетъ на извѣстный шикъ и независимое положеніе.

Вообще, гнойная инфекція распространена среди якутовъ, что объясняется исключительно нечистоплотностію ихъ, живущихъ всегда скученно и грязно, со скотомъ.

Бань среди якутовъ нѣтъ, а якутская юрта совершенно неприспособлена даже для частичныхъ омовеній тѣла.

Одежду якутъ носитъ до тѣхъ поръ, пока она совершенно не развалится.

Невозможный запахъ отъ его ужасно загрязненаго тѣла и такой же одежды слышенъ на разстояніи даже въ сильные морозы.

Если принять такимъ образомъ во вниманіе обстановку якутовъ, ихъ феноменальную нечистоплотность, раздражающее глазъ дѣйствіе пылающаго, а временами и дымящагося камина, около котораго якуты проводятъ большую часть дня, непрестанное ихъ куреніе табаку, обращеніе за медицинскою помощью только тогда, когда все или почти все потеряно, а подъ часъ и полное игнорированіе ея, то причина большого распространенія среди нихъ болѣзней, въ томъ числѣ глазныхъ, станетъ совершенно понятна.

Безъ сомнѣнія, укорененію болѣзней благопріятствуетъ также исключительная разбросанность населенія якутовъ, что при громадныхъ разстояніяхъ и первобытныхъ путяхъ сообщенія прямо-таки препятствуетъ распространять сферу возможнаго врачебнаго вліянія за предѣлы медицинскихъ пунктовъ, и наклонность якутовъ скрывать своихъ заразныхъ больныхъ парализуетъ это вліяніе даже въ сферѣ этихъ пунктовъ.

Разумѣется, болѣзни, въ общемъ, даютъ огромный процентъ смертности, а потому ежегодный приростъ населенія среди якутовъ почти ничтоженъ.

Добавьте къ этому ужасающую смертность дѣтей — и предъ вами предстанетъ картина постепеннаго вымиранія, угасанія племени, благодаря также, между прочимъ, сифилису, неумѣренному употребленію вина и пристрастію къ картежной игрѣ, гдѣ ставится на стазку все.

Въ 1909 году акцизный доходъ выразился, въ общей сложности, суммой девятьсотъ девяносто одна тысяча

восемьсотъ девяносто одинъ рубль 93 коп., болѣе противъ 1908 года на 87.906 р. 67 к. Повышеніе это, главнымъ образомъ, падаетъ на доходы отъ продажи вина и спирта.

Наконецъ, со стороны психики якуты могутъ быть охарактеризованы тѣмъ, что они коварны, злопамятны *и мстительны; преобладающая* страсть ихъ—деньги и нажива.

Надо отмѣтить при этомъ необычайное пристрастіе якутовъ къ *тяжбамъ, которыя вошли прямо-таки въ* кровь якута и, смѣло можно сказать, что якутъ чувствуетъ себя скверно, когда нѣтъ повода къ тяжбѣ.

Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на тотъ общеизвѣстный фактъ, что получившій травму якутъ ходитъ въ амбулаторію до тѣхъ только поръ, пока не получитъ свидѣтельства о поврежденіяхъ, чтобы начать дѣло, а дальше вы его не увидите: да и явился то онъ къ вамъ съ тою лишь цѣлью, чтобы только заполучить это свидѣтельство.

Врачъ А. М. Серебренниковъ.

Г. Якутскъ, 1912 года 16 января.

ОСНОВАНІЕ ИРКУТСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Исторія старинныхъ иркутскихъ церквей не лишена своего интереса тѣмъ болѣе, что попутно встрѣчаются любопытные факты изъ жизни городской. Въ особенности бы желательно освѣтить первоначальную исторію крестовской церкви, которую построили плѣнные шведы.

Въ настоящей справкѣ я коснусь исторіи возникновенія иркутской преображенской церкви.

1795 года февраля 21 числа иркутскій купецъ Стефанъ Яковлевъ сынъ, Игнатьевъ подалъ прошеніе преосвященному Веніамину 1-му (Багрянцеву) о слѣдующемъ:

«Вашему преосвященству изъ изустнаго прошенія пылающее *желаніе мое небезызвѣстно, что я желаю приступить* къ построенію каменной вновь по здѣшнюю сторону кузнечныхъ рядовъ церкви, полагая на то чрезъ самаго *себя употребить шесть тысячъ рублей;* суммой этой побуждаюсь единственно въ разсужденіи отдаленности отъ благовѣщенской церкви отъ стоящаго селенія, дабы обитатели, ближе оную всегда имѣя ради отношенія моленія

Богу, могли имѣть удобности и ради исправленія требъ; въ позывѣ церковно-служителей не было: имъ же и затрудненія. Ко всему предпринятому намѣренію надобны: первое—позволеніе вашего архипастырства, а второе: мѣсто, гдѣ надлежитъ быть той церкви основанію указано; но сіи преграждающіе пункты зависятъ отъ разрѣшенія вашего преосвященства; а потому всепокорнѣйше испрашиваю—первымъ вознаградить, а другое обыкновеннымъ порядкомъ отъ кого слѣдуетъ истребовать; дабы будущаго лѣта, сколько можно будетъ, безъ заготовленія потребныхъ къ строенію припасовъ не упустили; но при томъ осмѣливаюсь наприлежнѣйше просить о неоставленіи безъ уваженія моего намѣренія относительно церкви сей; какъ она будетъ троехрамовая: начальному позволить во имя преображенія Господня быть слѣдовательно, именоваться ей—преображенскою повелѣть". На прошеніи преосв. Веніаминомъ положена резолюція: „1795 года февр. 21 дня. Церковь по показанному въ прошеніи означенію строить благословляемъ".

Такъ какъ отведеніе мѣста подъ вновь созидаемую церковь зависѣло отъ иркутскаго губернатора, то п. Веніаминъ отъ того-же числа февраля мѣсяца вошелъ къ нему письмомъ слѣдующаго содержанія: „Здѣшняго города Иркутска купецъ Степанъ Яковлевъ сынъ Игнатьевъ поданнымъ по сегодняшнее число прошеніемъ предложилъ желаніе и усердіе свое вновь построить каменную церковь по здѣшнюю сторону кузнечныхъ рядовъ. Я разсматривалъ побудительныя причины, на коихъ онъ свое желаніе основывалъ, и нашелъ ихъ отмѣнно законными, почему и не могу сему богоугодному намѣренію не споспѣшествовать. Но нужно мѣсто: а какъ назначеніе онаго зависитъ отъ разсмотрѣнія вашего превосходительства, то по разсужденіе сего васъ, милостиваго моего государя, покорнѣйше прошу, дабы благоволили, по моему сообщенію, повелѣть отвести мѣсто для строенія церкви оной по надлежащему и меня о томъ снабдить увѣдомленіемъ, чтобы и я могъ распоряженіемъ того, что съ моей стороны въ семъ дѣлѣ зависитъ, споспѣшить. Впрочемъ при особѣ вашего превосходительства съ истиннымъ высокопочитаніемъ и пелицепріятною преданностію всегда пребываю". На это письмо п. Веніамина губернаторъ Иларіонъ Тимофѣевичъ Нагель отъ 23 февраля 1795 года отвѣтилъ:

„Споспѣшествуя богоугодному здѣшняго купца Степана Игнатьева въ построеніи здѣсь въ Иркутскѣ по сю сторону

кузнечныхъ рядовъ каменной церкви населенію, въ благосклоннѣйшемъ сношеніи вашего преосвященства мнѣ изъясненному, предписалъ я иркутскому городничему г-ну секундъ маіору Кондратову, обще правящимъ должность губернскаго архитектора Лосевымъ, согласно желанію просителя, показать подъ строеніе оной пристойное мѣсто, которое соотвѣтствовало бы виду сего знаменитаго зданія и сообразно Высочайше утвержденнаго для здѣшняго города генеральнаго плана; на каковой случай почту нужнымъ снять планъ съ того мѣста, гдѣ будетъ строиться храмъ и предоставить его вашему преосвященству.

Сообщая сіе съ истиннымъ и непремѣннымъ моимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ, съ таковою-же преданностію имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь и архипастырь, быть

вашего преосвященства
покорнѣйшимъ слугою
Иларіонъ Нагель.

Получивъ отъ иркутскаго губернатора благопріятный отвѣтъ объ отводѣ пристойнаго въ городѣ мѣста подъ сооруженіе каменной церкви, п. Веніаминъ представилъ все это дѣло въ Святѣйшій Сунодъ въ слѣдующемъ представленіи

„По причинѣ ежегодно вновь населяемыхъ въ здѣшнемъ городѣ Иркутскѣ жителей приходы владимирской, благовѣщенской и крестовоздвижен. церквей, между собою смежные, распространяются. И многіе, принадлежащіе къ нимъ, приходскіе дома отъ своихъ церквей на немалое разстояніе отдалены, отчего въ хожденіи въ Божію церковь на молитву и въ приглашеніи священниковъ для требъ духовныхъ жителя тѣхъ приходовъ затрудняются. По каковымъ затрудненіямъ, нѣкоторые изъ вновь поселенныхъ прихожанъ около двухъ годовъ до сего просили, чтобы имъ дозволено было для моленія построить часовню въ удобномъ для нихъ мѣстѣ; но какъ таковая ихъ просьба была незаконна, то и оставлена. Нынѣ-же поданнымъ ко мнѣ доношеніемъ иркутскіе купцы Стефанъ Яковлевъ сынъ Игнатьевъ и Иванъ Никитинъ сынъ Сухихъ, побуждаясь прописанными для прихожанъ означенныхъ церквей неудобностями, предъявили свое желаніе и усердіе, чтобы, за распространеніемъ оныхъ приходовъ, для отдалившихся отъ церквей прихожанъ построить вновь каменную церковь во имя преображенія Господня съ двумя придѣлами, назначая къ строенію оной на первый

случай денежной суммы: первой—шесть тысячъ, а другой—три тысячи, объясняя при томъ, что какъ *намѣреваемая церковь имѣетъ быть строена для мастеровыхъ кузнецовъ вновь поселенныхъ*, то оные мастеровые кузнецы и беруть на что нужно будетъ въ дѣлѣ желѣзномъ для церкви все то сдѣлать изъ своего матеріала; и просили, чтобы, по желанію и усердію ихъ, дозволено было *имъ намѣреваемую церковь построить*.

По поводу сей вторичной просьбы учинена въ консисторіи съ исповѣдными за 1794 годъ выше объявленныхъ трехъ церквей росписьми справка, по которой оказалось, что во владимирскомъ приходѣ *триста домовъ*: въ нихъ жителей мужскаго пола 617, женскаго пола 793; въ благовѣщенскомъ *двѣсти пятьдесятъ одинъ домъ*, въ нихъ жителей мужскаго пола 625, женскаго 726; въ крестовоздвиженскомъ *триста сорокъ семь домовъ*: въ нихъ жителей мужскаго пола 1353, женскаго—1112. Слѣдовательно, по сему числу домовъ, оставляя въ каждомъ изъ помянутыхъ приходовъ указное этой приходной церкви число домовъ, можно еще составить указное число домовъ для прихода, къ намѣреваемой церкви отъ дѣлъ отъ вышеозначенныхъ трехъ приходовъ по нѣскольку домовъ по пристойности, и которые отстоять въ наибольшей отдаленности отъ нынѣшнихъ церквей, къ коимъ принадлежать. Въ разсужденіи сего имѣлъ я сношеніе съ господиномъ губернаторомъ иркутскимъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Нагелемъ о назначеніи къ построенію оной церкви мѣста, и въ отвѣтъ отъ него получилъ, что онъ, господинъ губернаторъ, споспѣшествуя богоугодному означенныхъ купцовъ къ построенію въ Иркутскѣ по сю сторону кузнечныхъ рядовъ каменной церкви намѣренію, предписалъ иркутскому городничему господину секунд-маіору Кондратову, обще съ правящимъ должность губернскаго архитектора прапорщикомъ Лосевымъ, согласно желанію просителей, показать подъ строеніе оной пристойное мѣсто, которое-бы соотвѣтствовало виду сего знаменитаго зданія и сообразно Высочайше опробованнаго для здѣшняго городу генеральнаго плана, на каковой случай почтя нужнымъ снять съ того квартала, въ которомъ церковь будетъ строиться, планъ, обѣщалъ оной мнѣ доставить. Итакъ, по соображенію всего представленнаго, построеніе намѣреваемой церкви съ указными вашего святѣйшества повелѣніями видится быть согласно, и побудительныя причины къ тому законны, тѣмъ паче, что въ сторонѣ прилежащей къ вышеозначеннымъ тремъ приходамъ, *ежегодно жители вновь*

поселяемы бываютъ и по немалому числу домовъ, почему и неудобности, которые суть побужденіемъ, чтобы церковь вновь построить, ежегодно-же увеличиваются; требуемое-же число домовъ подъ приходъ съ отдѣленіемъ малаго точно числа домовъ отъ вышеозначенныхъ трехъ приходовъ тѣхъ наиначе, которые наболѣе отъ нынѣшнихъ своихъ церквей отдаленыхъ въ то время, пока сооруженіе церкви производится, чрезъ вновь ежегодно населяемыхъ вѣрно и съ избыткомъ; въ разсужденіи чего ваше святѣйшество покорнѣйше прошу дозволить намѣреваемую церковь вновь построить и къ ней новый приходъ учредить; и на то ваш го святѣйшества указнымъ повелѣніемъ меня снабдить, котораго съ благоговѣніемъ и ожидать имѣю; (6 марта 1795 г.)" На это представленіе послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 11 марта 1795 года, коимъ разрѣшалась постройка преображенской церкви.

По содержанію означеннаго указа Святѣйшаго Синода послѣдовало распоряженіе епархіальнаго начальства на имя благочиннаго градо-иркутской архангельской церкви протоіерея Федора Сухихъ объ отчисленіи къ преображенской церкви прихожанъ отъ близъ находящихся церквей. Благочинный отъ 2-го сентября 1789 года рапортовалъ о слѣдующемъ съ его стороны исполненіи:

„Во исполненіе присланнаго ко мнѣ изъ духовной консисторіи указа, коимъ повелѣно состоящіе по близости ко вновь сооружаемой преображенской церкви отчислить отъ здѣшнихъ градскихъ приходовъ, какъ-то: богородско-владимирскаго, благовѣщенскаго и крестовоздвиженскаго надлежащаго количества приходскихъ домовъ и въ нихъ жительствующихъ обоего пола людей и, для лучшаго приходскихъ домовъ сличенія, учинить именную роспись. Велѣдствіе чего мною обще съ церковнымъ ктиторомъ купцомъ Стефаномъ Игнатьевымъ именная роспись и учинена, которая на разсмотрѣніе въ оную консисторію благопочтеннѣйше представляется, съ тѣмъ, что въ разсужденіи малаго количества въ благовѣщенскомъ приходѣ домовъ, то мною отведено по близости и смежности къ оной отъ крестовоздвиженскаго прихода сорокъ одинъ домъ, то затѣмъ осталось въ крестовскомъ приходѣ двѣсти девяносто четыре двора, о чемъ оной консисторіи почтенно и репортую.

Реестръ, коликое число изъ богородско-владимирскаго и благовѣщенскаго приходовъ въ оной преображенской церкви

разныхъ чиновъ людей выписано, о томъ по чинамъ значитъ ниже сего.

		ЧИСЛО		
		Людей		
	Выписано изъ богородско-владимирскаго прихода, а именно:	Мужчинъ	Женщинъ	Дворовъ
1	Военныхъ	54	58	26
2	Штатскихъ	11	17	6
3	Разночинцевъ	1	2	1
	Мѣщанъ и цеховыхъ	88	90	37
	Выписано изъ благовѣщенскаго прихода, а именно:			
1	Военныхъ	31	54	21
	Штатскихъ	28	30	13
3	Разночинцевъ	33	38	17
4	Мѣщанъ и цеховыхъ	66	58	32
5	Поселянъ	3	1	1
	ИТОГО изъ обоихъ приходовъ значится	315	348	154

А за исключеніемъ означенныхъ дворовъ, въ богородско-владимирскомъ приходѣ осталось 248 домовъ; въ нихъ жителей мужескаго—553; женскаго—692; обоего—1245 человѣкъ.

Въ благовѣщенскомъ приходѣ осталось 191 дворъ, въ нихъ жителей мужескаго—617, женскаго—699; обоего пола 1316 человѣкъ".

Преосвященный Веніаминъ, согласно историческимъ записямъ, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ духовныхъ лицъ своего времени. По окончаніи курса въ С.-Петербургѣ, онъ былъ посланъ для окончанія ученія въ два германскіе университета—въ Іенѣ и Геттингенѣ. Онъ свободно говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Управляя Иркутской епархіею, онъ былъ очень строгъ къ себѣ въ домашней жизни: былъ глубоко религіозенъ, слушалъ каждый день церковную службу; любилъ изъ своихъ рукъ кормить птицъ Служилъ на иркутской епархіи 2[illegible] года 3 мѣсяца и 28 дней; 12 іюля 1814 года тѣло его погребено въ придѣлѣ Казанской Божіей Матери въ Благовѣщенскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Роспись причисленныхъ къ иркутской преображенск й церкви людей получилъ священникъ Петръ Митягинъ и расписался 1798 года сентября 10 числа. Вѣроятно, онъ былъ первымъ священникомъ вновь построенной церкви, которая теперь наиболѣе посѣщается богомольцами, по причинѣ хорошо поставленнаго церковнаго богослуженія.

Д. Хрусталевъ.

ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНИКЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Первымъ печатникомъ въ нашемъ краѣ былъ Михаилъ Петровичъ Петровъ, происходившій изъ „поповскихъ дѣтей". род. въ 1741 году.

Въ настоящее время въ Иркутскѣ живетъ родной правнукъ (по женской линіи) этого первопечатника, иркутскій мѣщанинъ Федоръ Николаевичъ Шестериковъ, который и доставилъ мнѣ нѣсколько документовъ, заключающихъ въ себѣ небольшія свѣдѣнія о службѣ М. П. Петрова.

Въ документахъ этихъ нѣтъ указаній, гдѣ учился Михаилъ Петровичъ, почему онъ пошелъ не по торной „поповской" дорогѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сравнительно образованнымъ человѣкомъ.

Первоначальную свою службу онъ началъ *переплетчикомъ* въ государственной ревизіонъ-коллегіи съ 24 октяб-

ря 1765 года: черезъ девять лѣтъ перешелъ на службу *печатникомъ* въ книжную типографію при Императорской академіи наукъ. Здѣсь онъ пробылъ только полтора года, „велъ себя хорошо и потому въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не былъ“. Службу печатника М. П. долженъ былъ покинуть потому что „почувствовалъ въ здоровьѣ своемъ великую слабость и потому грудной при типографіи печатнической должности исправлять“ былъ не въ состояніи.

По выходѣ со службы, М. П. почти цѣлый годъ лѣчился; въ общемъ крѣпкая натура пересилила закравшуюся болѣзнь, и 4 октября 1776 г. онъ поступаетъ *батырщикомъ* въ горное училище при берг-коллегіи; черезъ три года былъ назначенъ исправлять одновременно еще и „терторщичью должность“ при той же берг-коллегіи, но только въ монетномъ департаментѣ, а въ 1783 году произведенъ въ канцеляристы.

На службѣ въ берг-коллегіи М. П. „велъ себя добропорядочно: поведенія честнаго: въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ: должность исправлялъ съ прилежаніемъ“.

Въ 1783 году М. П. былъ приглашенъ сибирскимъ ген.-губернаторомъ И. В. Якобіемъ на службу въ г. Иркутскъ „въ разсужденіи предлагаемаго имъ заведенія типографіи“.

Правительствующій Сенатъ поручилъ М. П. „доставить какъ на иркутское намѣстничество, такъ и на колыванскую губернію (учрежд. 6 марта 1783 г.): учрежденія, законы, съ законовъ и уставовъ копіи и отпечатанныя статьи“. Порученіе это онъ исправилъ „добропорядочно и съ усердіемъ“.

Въ 1784 году М. П. переведенъ былъ въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія на должность переплетчика „съ жалованьемъ въ 200 рублей въ годъ, при чемъ должность свою «исправлялъ съ отмѣннымъ искусствомъ, обучивъ нѣсколько человѣкъ, данныхъ ему въ ученіе, знаемому имъ мастерству совершенно, которые уже и распредѣлены по присутственнымъ мѣстамъ настоящими переплетчиками“. Въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія М. П. былъ до 7 ноября 1789 года. Съ этого времени жалованье свое онъ получалъ: 150 рублей изъ охотскаго губернскаго магистрата, гдѣ онъ номинально занималъ „регистраторскую вакансію“ и 50 рублей изъ олекминской нижней расправы, гдѣ также номинально занималъ „копійскую вакансію“. Такое номинальное занятіе должностей объясняется тѣмъ, что по нимъ было „дѣлъ весьма малое количество“, и что „остающеюся *за симъ* суммою весьма можно имъ исправиться“. Въ

дѣйствительности же М. П. исполнялъ свою прежнюю обязанность переплетчика „безотговорочно" какъ по намѣстническому правленію, такъ и по приказу общественнаго призрѣнія.

Комбинація перевода М. П. была вызвана, надо полагать, пошатнувшимся финансовымъ положеніемъ приказа общественнаго призрѣнія. Между тѣмъ, М. П., по словамъ правителя намѣстничества, г.-м. М Ареньева, былъ „весьма по своему мастерству здѣсь нуженъ".

Въ доставленныхъ мнѣ документахъ М. П. Петрова имѣются еще два аттестата, выданныхъ ему ген.—отъ ин. Лецціано и д. с. с. А. Корниловымъ.

I. „Аттестатъ коллежскому регистратору Михайлѣ Петрову, который во все время управленія моего Высочайше ввѣренною должностью иркутскаго военнаго губернатора и главнаго по гражданской части, находясь въ канцеляріи моей, велъ себя благопристойно, возлагаемыя на него дѣла исправлялъ съ надлежащимъ усердіемъ и резностью; въ воздаяніе чего по рекомендаціи моей предъ правительствующимъ сенатомъ награжденъ и оберъ-офицерскимъ чиномъ, въ чемъ свидѣтельствую. Даю сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати . Въ губернскомъ городѣ Иркутскѣ, іюля 3 дня 1802 года. Лецціано".

II. „Свидѣтельствую симъ, что находящійся при иркутской типографіи коллежскій регистраторъ Михайло Петровъ во время управленія моего иркутскою губерніею оказывалъ директору той типографіи какъ въ устройствѣ оной, такъ и при печатаніи разныхъ по губернскому правительству и палатѣ гражданскаго суда исполненій, усердное вспомоществованіе, велъ себя честно и похвально, почему и заслуживаетъ соотвѣтственнаго трудамъ его вознагражденія. Данъ въ Иркутскѣ за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ печати. Іюля 28 дня 1806 года. Алексѣй Корниловъ".

Умеръ М. П. въ 1827 году и похороненъ на Іерусалимскомъ кладбищѣ близъ часовни, построенной на мѣстѣ старой церкви. На могилѣ имѣется каменная плита съ соотвѣтствующей надписью, но этотъ надгробный памятникъ значительно „ушелъ въ землю".

Въ нынѣшнемъ году исполняется 85 лѣтъ со дня смерти М. П., который въ Сибирь поѣхалъ «съ доброй его воли», какъ говоритъ правитель иркутскаго намѣстничества, М Ареньевъ.

А. Линьковъ.

ИЗЪ МІРА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЦЕНТРАЛКИ.

Въ Сибири, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ прежнее время была сильно развита литература рукописныхъ стихотвореній. Эта, можно сказать, огромная „поэзія“ могла бы доставить весьма богатый матеріалъ для изслѣдователя бюрократической стороны жизни нашего края. Всякому болѣе или менѣе выдающемуся событію были посвящаемы особыя стихотворенія; напр., извѣстная дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ была изложена стихотворно. Я и теперь еще помню одинъ стихъ: „Пистолеты подмѣнили, и Неклюдова убили... Память вѣчная ему!“

Присоединеніе Амура и, вообще, дѣятельность ген.-губ. Муравьева имѣли свою поэтическую литературу. Стихотворенія читались на обѣдахъ, при встрѣчахъ Муравьева. Нѣкоторыя изъ стихотвореній напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, въ книгѣ Барсукова „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“, но большинства, конечно, не попало въ печать. Говорятъ, что при Муравьевѣ дѣлали обыски и у кого находили стихи—сатиры и пасквили на злободневныя событія, тому глубоко приходилось раскаиваться за свое увлеченіе этой поэзіей. При всемъ этомъ, однако многія событія общественной жизни не забывались мѣстными поэтами.

Въ этой литературѣ были драмы, трагедіи, комедіи, (напр. „Золотая Пшеничка“, въ 4 дѣйствіяхъ, представляющая сатиру на извѣстное дѣло города съ наслѣдниками Трапезникова), водевили и, наконецъ, стихотворенія, изложенныя канцелярскимъ слогомъ и стилемъ (напр., донесеніе объ уничтоженіи мышами пяти мѣшковъ хлѣба).

Достать въ настоящее время что-либо изъ этой сибирской поэзіи, имѣющей цѣнность, какъ историческій матеріалъ, очень трудно, но все-же кое что еще сохранилось. На страницахъ „Сибирскаго Архива“ уже было напечатано нѣсколько стихотвореній—памфлетовъ. Здѣсь мы помѣщаемъ еще два: одно временъ ген.-губернатора Муравьева, довольно распространенное,—біографія какого-то бурята, а второе, написанное каторжанином лѣтъ 15 тому назадъ, во время пребыванія его въ Александровскомъ централѣ. Конечно, ни то ни другое не заключаютъ въ себѣ литературныхъ достоинствъ, но какъ образцы тюремнаго творчества имѣютъ свое значеніе.

I.

Моя жизнь.

Мой родился стень хоринска,
Юрта бойлочна росла;
Бачка мой былъ чинъ тайшинска, (1)
Царь медаль ему дала.
Былъ я маленха мальчишка,
Съ хуругашкой все игралъ;
Безъ рубашка, безъ штанишка
По улусамъ разбѣгалъ.
А когда побольше сталъ мой,
Бачка въ Кяхта посылалъ,
Чтобъ по мала, мало, мало
Русска грамота я зналъ.
Тамъ граматкамъ, арифметкамъ
Мой училъ годовъ гурбу (2).
Ое-ехъ! Какъ больно палка
Тамъ гулялъ на мой буксу! (3)
А кромя тоя наука,
Многа, многа мой узналъ:
Картамъ дѣлалъ много штука,
Пилъ бина, домой таскалъ.
Какъ кончала мой ученье,
Въ русска горницѣ сталъ жить,
Брацкамъ тварямъ „мой почтенье“
На прощанье гобарить.
Да, учился мой не даромъ:
Сталъ я брава молодцемъ,
Къ погранична комиссара
Поступилъ я толмачемъ.
Тутъ Зинобичъ губернаторъ
Меня въ Пекинъ посылалъ
И въ колежска регистрата
На сенату представлялъ.
Настоящимъ русскамъ сталъ мой:
Въ печкамъ сжегъ гутулъ-чэрлыкъ, (4)
Шляпка на бокъ надѣвалъ мой,

---

(1) Тайша—начальникъ ро[illegible]
(2) Гурбу—3 года.
(3) Задняя часть тѣла.
(4) Сапоги.

Съ позументамъ боротникъ.
По французка всяка мода
Шилъ—уфракъ, жилетъ, польтомъ;
А ямапья(5)—стара мода
Спряталъ ящикомъ, замкомъ.
Покупалъ духа, помада,
Кольца, перстни на рука,
Надѣбалъ всегда перчатка,
Съ толегой (6) стригъ гицыга. (7)
Бычья почка, да печенка
Кушать сталъ,—не на базаръ:
Билка, ложка, побарешка,—
Все завелъ урусъ-зангаръ. (8)
Дѣлалъ маленька пирушка,
Вся начальства угощалъ.
Вотъ однажды кутухтушка,
Мой начальника, сказалъ:
„Хошь креститца въ русска вѣра,
Шитамуги (9) ташъ дубкнъ,
Будешь брава эфицера“,—
Отвѣчалъ мой дзенашнъ.
Торгобалъ себѣ повозка,
Тепла шарфъ, унты (10), доха.
И зимой дорогъ замерска
На Иркутскъ до охеча. (11)
Тамъ ходилъ мой къ архирея
Его ручка цѣлобалъ;
Тута разна арицея (12)
Пресвященна мнѣ шепталъ.
Самобо я Муравьева
Крестнымъ бачка попросилъ:
Многа ласкабова слова
Тапъ за то мнѣ говорилъ.
Всяка сладка угощенья
Въ кухнѣ мнѣ велѣлъ дабать.

---

(5) Яманъ—козелъ.
(6) Голова.
(7) Волосы.
(8) По русскому обычаю
(9) ?
(10) Обувь.
(11) ?
(12) Рѣчь.

Чрезъ недѣля быль хрещенья:
Михулай я стала збать.
Шишамрева, стара куха, (13)
Я дабно, дабно знабалъ;
Какъ хрестился, эта штука
Тотчасъ замужъ забиралъ.
Да, теперь совсѣмъ мой русска;
Только бидомъ не такой:
Носъ широка, глаза узка,
Кожа черна, ногъ крибой...

II.

Александровскій централъ.

Далеко въ странѣ суровой,
Межъ хребтовъ, лѣсистыхъ горъ,
Обнесенъ стѣной высокой
Чисто выметенный дворъ.
На переднемъ же фасадѣ
Двухъэтажный домъ стоитъ,
А за нимъ такой же сзади,
Единаковый на видъ.
Поперекъ они стѣнами
Въ одинъ корпусъ сведены.
И громадностью своею
Удивляютъ всѣхъ они.
Двухъэтажный этотъ корпусъ,
На дорогу онъ лицомъ,
Мраченъ видъ его, печаленъ,
Но съ парднымъ онъ крыльцомъ.
Надъ крыльцомъ полудугою
Больша вывѣска блеститъ,
А надъ ней орелъ двухглавый,
Раззолоченный, стоитъ.
На верху съ рѣшеткой будка
И флачекъ на ней виситъ.
Изъ за горъ проникнувъ, вѣтеръ
Флачекъ тихо шевелитъ.
Предъ крыльцомъ на фронтѣ ходитъ
Постоянно часовой,
Отъ дверей объ глазъ не сводитъ:
Съ чѣмъ пройдутъ и кто такой?

(13) Кухарка.

Чистота вокругъ такая,
Что соринки не найдемъ.
„Подметалъ“ тамъ постоянно
Человѣкъ десять начтемъ.

По дорогѣ ѣхалъ тройкой
Господинъ, что-ли какой;
Поравнявшись съ подметалой,
Крикнулъ кучеру: „постой“!
— Подойди сюда, голубчикъ!—
Подметалѣ говоритъ.
Снявши шапку, подметала
Съ метлой къ барину спѣшитъ.

— Разскажи ты мнѣ подробно,
Чей же домъ это стоитъ?
И владѣльца сего дома
Какъ фамилія гремитъ?

— Это, баринъ; домъ казенный—
Александровскій Централъ;
Вотъ и я второе лѣто,
Какъ сюда въ него попалъ.

Въ немъ сидитъ народу много,
Больше тысячи всегда;
Видишь, въ окна сквозь рѣшетки
Сколько смотритъ ихъ сюда.

И проѣзжій поднялъ шляпу,
Устремивъ на окна взоръ;
И онъ въ узникахъ тутъ встрѣтилъ
Унизительный позоръ:

Виски правы у нихъ бриты,
Исхудалые, какъ тѣнь,
„Вѣрно, жизнь ихъ тамъ несносна,
За годъ кажется имъ день?“

Слышенъ звонъ цѣпей тяжелыхъ,
Онъ изъ оконъ долеталъ.
„Вѣрно, скованы бѣдняжки“...
Путникъ тихо прошепталъ.

— Да за что-жъ васъ такъ караютъ?
Разскажи подробно мнѣ.
— Всѣхъ вѣдь трудно, баринъ, помнить,
Кто за что сидитъ въ тюрьмѣ.

За поддѣлку есть монеты,
За кредитные билеты.

За отлучку съ волостей,
Много всякихъ тутъ людей!
За непомнющихъ судились,—
Они присланы сюда;
Хоть и помнятъ, гдѣ родились,
Да и тамъ у нихъ бѣда.
За побѣгъ есть въ Россію,
Есть тутъ всяки штукари,
Человѣкъ до двухъ сотъ будетъ,
Что пришли за сухари.
Не понялъ проѣзжій слова,
— Ну, еще мнѣ повтори!
Разскажи это яснѣе,
За какіе сухари?
— Проберетъ дорогой голодъ,
Когда мы сюда идемъ:
Хлѣбъ тамъ очень, баринъ, дорогъ,
Да и сытности нѣтъ въ немъ.
Если-бъ хлѣбъ былъ здѣсь россійскій,
И цѣна бы не така;
Тогда намъ бы доставало
Кормовыхъ два пятака.
Вотъ и смотрятъ, кто голодный
Сутки двои ужъ сидитъ,
Кто на всѣхъ глазами водитъ
И безсмысленно глядитъ.
Тутъ ему и предлагаютъ
Котелокъ горячихъ щей,
Передъ нимъ поставятъ чаю
И мѣшочекъ сухарей.
Ну, землякъ! Вотъ если хочешь,
Получай все отъ меня:
Я пойду на поселенье,
Ты въ работу за меня.
И бѣдняга согласится:
Онъ не ѣлъ на этихъ дняхъ.
Лѣтъ на двадцать объ рѣшится
Идти въ каторгу въ цѣпяхъ.
Много есть, что и напрасно
Нашихъ сослано сюда:
Вѣрно, какъ-нибудь ошибкой
Отъ окружнаго суда.
— Есть начальство тутъ надъ вами?
Опять баринъ вопрошалъ.

— Какъ-же, сударь!—Есть смотритель.
Вѣрно, Богъ его послалъ.
Съ порядокъ очень зналъ,
Обижать не любитъ насъ,
Надзиратель чтобъ не трогалъ,—
Такой отдалъ онъ приказъ.

Раньше былъ другой смотритель,
Тотъ порядку вотъ не зналъ.
Былъ суровъ, жестокъ и важенъ,
И безъ толку всѣхъ насъ гралъ.

У смотрителя—помощникъ,
Тоже славный человѣкъ,
Зла не дѣлаетъ онъ тоже,
Хоть сиди тутъ цѣлый вѣкъ.

Какъ придетъ въ тюрьму порою,
Мы обступимъ всѣ его,
Каждый съ просьбой къ нему лѣзетъ,
Самъ не знаетъ, для чего.
И онъ каждаго запишетъ
А потомъ назадъ пойдетъ;
Только выйдетъ за ворота
И всѣхъ сразу зачеркнетъ.

Есть священникъ, также церковь,
Вонъ надъ нею крестъ стоитъ,
Украшеньемъ небогата:
Три лампады въ ней виситъ.
Каждый праздникъ идетъ служба,
Въ глухой колоколъ звонятъ,
Хоть молиться-бъ намъ и надо,
Да другимъ каждый занятъ.

Надзиратель есть здѣсь старшій,
Добръ бываетъ иногда,
Чего только не попросишь,
Не получишь никогда.

— Ну, спасибо, мой голубчикъ;
Вотъ тебѣ за твой разсказъ:
Далъ рублевку подметалѣ
И отправился тотчасъ.

Тройка съ пылью покатила,
Подметала все стоялъ.
— Не поѣдетъ ли еще кто:
Я бы больше разсказалъ....

ИЗЪ БЫТА И НРАВОВЪ СИБИРИ XVIII ВѢКА.

Событія внѣшней и внутренней жизни Россіи, непосредственно слѣдовавшія за покореніемъ Сибири, открывали передъ русскимъ правительствомъ новыя задачи и выдвигали новыя заботы. Вниманіе правящихъ сферъ только вскользь обращалось на вновь присоединенную громадную, неизвѣстную область. Сибири не знали, ею не интересовались, она была въ забвеніи.

Причиной такого отношенія къ Сибири были, во-первыхъ, отдаленность ея отъ центра, невѣжественное, въ громадномъ большинствѣ инородческое, населеніе и отсутствіе сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія. Поэтому Сибирь была предоставлена попеченію мѣстныхъ властей. До 1708 г., до учрежденія Сибирской губерніи, общее управленіе Сибирью лежало на сибирскомъ приказѣ, находившемся въ Москвѣ, а ближайшее управленіе краемъ находилось въ рукахъ тобольскихъ воеводъ. Въ первыя 50 л. управленіе Сибирью не представляло большихъ затрудненій, но со второй половины XVII вѣка замѣтна значительная прибыль населенія, и управленіе Сибирью стало усложняться. Заселеніе происходило весьма успѣшно и шло слѣдующими путями: принятіемъ русскаго подданства разными азіатскими племенами, бѣглыми изъ Европейской Россіи, ссыльными. Количество бѣглыхъ было такъ велико, что въ 1673 г. учреждены заставы «у Перміи Великой и у Соли Камской границы» для непропуска въ Сибирь пѣшихъ и конныхъ людей безъ проѣзжихъ государевыхъ грамотъ. Съ этого-же времени Сибирь стала усвоивать характеръ страны, пригодной спеціально для ссылки: край былъ пустыненъ, бѣденъ, непривѣтливъ. Ссылались въ Сибирь не потому, что люди, попавшіе туда, дѣлались безопасными по вліянію, вслѣдствіе большой отдаленности отъ столицы, а главнымъ образомъ потому, что жизнь въ Сибири была крайне тяжела и являлась бременемъ, равносильнымъ самымъ сильнымъ наказаніямъ. Послѣ строгихъ указовъ 1685 г. противъ старообрядцевъ началось движеніе ихъ въ Сибирь, равно какъ и введенный въ началѣ XVIII в. рекрутскій наборъ двинулъ за Уралъ большую волну бѣглыхъ. Ликвидація стрѣлецкаго бунта дала Сибири нѣсколько тысячъ невольныхъ переселенцевъ. Максимовъ, авторъ книги «Сибирь и каторга» пишетъ: «Сибирь стрѣльцовъ не смирила: затѣвались попытки соединиться всѣмъ сильнымъ

полкамъ и идти въ Москву. За это ихъ небольшими группами разослали по самымъ отдаленнымъ острогамъ и зимовьямъ. Тамъ они сбивались въ шайки, грабили караваны и обозы торговыхъ людей. При Петрѣ Великомъ Сибирь получила стрѣльцовъ въ такомъ большомъ количествѣ, подобнаго которому Сибирь ни до того, ни послѣ того не видала: не стало безъ ссыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ: Анадырскій, Колымскій, Охотскій, Балаганскій, Тункинскій». Въ 1719 г. изъ всего сибирскаго населенія 36,75% было пришлаго элемента: ссыльныхъ, бѣглыхъ и очень незначительное количество переселенцевъ-добровольцевъ. Пришельцы пользовались беззащитностью туземцевъ, немилосердно обирали ихъ, чинили разныя насилія и съ 1-хъ же шаговъ озлобляли противъ себя коренное населеніе. Вообще, положеніе населенія во всей Сибири было незавидное. Въ западной части масса бѣглыхъ и ссыльныхъ тѣснила коренныхъ жителей: въ восточной—громадная отдаленность отъ центральной власти способствовала развитію самодурства воеводъ. Тяжести тогдашняго положенія крестьянъ, обусловливавшагося множествомъ и разнообразіемъ повинностей, опасеніями нападеній разбойничьихъ шаекъ, а также башкиръ, калмыковъ и киргизовъ, отсутствіемъ всякаго умственнаго образованія, вызвали у сибиряковъ наклонность къ ересямъ и, между прочимъ, къ самосожженію, какъ протесту противъ тягости ихъ общественнаго положенія.

Общую картину нравственнаго состоянія сибирскаго общества за Елизаветинскій періодъ Щегловъ описываетъ такъ: «въ самомъ передовомъ тогдашнемъ городѣ Тобольскѣ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени, тобольскій митрополитъ Павелъ Конюшкевичъ не вѣрилъ въ движеніе земли вокругъ солнца, и всѣ старанія астронома Шапна убѣдить его оставались тщетными.

Тоболячи вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ смотрѣли на Шапна съ его инструментами, какъ на волшебника, думая, что его прибытіе въ Сибирь было причиною сильнаго разлива Иртыша и что рѣка снова войдетъ въ свои берега, какъ только уѣдетъ Шапнъ».

До конца XVIII вѣка въ Сибири вовсе не было людей образованныхъ, даже въ тогдашнемъ значеніи этого слова. Лишь въ концѣ столѣтія начали встрѣчаться такіе люди между заѣзжими изъ Россіи начальниками края. Такъ, тобольскій губернаторъ Пушкинъ былъ, по словамъ Шапна,

«человѣкомъ чуждымъ варварскихъ предразсудковъ своего народа»; онъ привезъ съ собою въ Тобольскъ библіотеку, составленную изъ произведеній лучшихъ французскихъ писателей. Кличко завелъ въ Иркутскѣ тоже библіотеку въ которой были сочиненія французскихъ энциклопедистовъ. Впрочемъ, книги въ ней ни кѣмъ не брались. Въ это же время пріѣзжіе изъ Россіи ученые архіереи и монахи начинаютъ упражняться уже въ духовномъ краснорѣчіи; при празднованіи двухсотлѣтія покоренія Сибири произнесена была проповѣдь, которая начиналась словами: «о, счастливая Сибирь, ты съ удовольствіемъ вкушаешь отъ тука пшенична россійскихъ законовъ и всѣ твои народы блаженною надеждою вѣчности неотъемлемо увеселяются!»

Въ 1782 г. было учреждено тобольское намѣстничество, а празднованіе по этому случаю отличалось особенною торжественностью. Къ этому торжеству были вызваны въ Тобольскъ ханъ средней киргизской орды съ султанами, вогульскіе родоначальники и обдорскій князь «съ другими остяцкими князьцами». Въ залѣ намѣстническаго дворца былъ поставленъ тронъ на подобіе царскаго, а около трона стояли представители разныхъ народностей Послѣ молебна и проповѣди, началось чтеніе напыщенной оды, написанной спеціально на этотъ случай.

Дщеръ Азіи, богато надѣленна!
По статнымъ и дороднымъ, раменамъ—
Бобровою порфирой облеченна,
Съ собольими хвостами по грудямъ;
Царевна, серебряный вѣнецъ носяща
И пестрой насыпью камней блестяща,
Славянъ наперстница, ордъ грозныхъ мать,
Сибирь, тебя мнѣ любо вспоминать!»

Празднество закончилось большимъ пиромъ какъ для людей «большого свѣта», такъ и для простого народа, для котораго въ разныхъ мѣстахъ города были выставлены цѣлые зажаренные быки, съ рогами и со вложенными внутрь быковъ разными кушаньями. Тутъ же стояли бочки съ виномъ и пивомъ для безпрепятственнаго и безплатнаго пользованія. Веселіе закончилось только на 5—6 день, и уголовная хроника Тобольска за это время обогатилась новыми происшествіями, рѣдкими даже въ ту пору, когда жизнь обывателя ни во что не ставилась.

Начали появляться и проповѣди, имѣвшія часто мѣстное значеніе; ученые монахи, а иногда и учителя се-

миссіонеры не разъ въ это время нападали съ церковной каѳедры на порядки и злоупотребленія тогдашней администраціи. Извѣстный историкъ Сибири Словцовъ за такую проповѣдь былъ даже увезенъ изъ Тобольска подъ конвоемъ. Въ то же время губернаторы начали писать разныя книжки о Сибири, какъ наприм., Соймоновъ, Семивскій, Корниловъ, Пестовъ. И нужно замѣтить, что до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка сибирскіе губернаторы занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ о Сибири.

Самые образованные изъ сибиряковъ писали въ то время только хроники, которыя, по замѣчанію историка Сибири Фишера, «болѣе упражняются въ повѣствованіи о чудесахъ, нежели въ разсужденіи о дѣлахъ человѣческихъ». За одно только то, что читаешь книгу или сочиняешь что-нибудь, конечно, совершенно невинное, въ старинной Сибири можно было поплатиться ссылкой. *Грамотный* въ то время былъ синонимомъ *ябедника*. Князь Гагаринъ, напр., хотѣлъ сослать на Ледовитое море одного плѣннаго шведа за то, что онъ вздумалъ составить географическую карту Сибири. Въ концѣ XVIII в. въ Тобольскѣ издается даже литературный журналъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену». И этотъ журналъ и вся тогдашняя сибирская письменность служили только средствомъ для пріятнаго препровожденія времени и почти не оказывали просвѣтительнаго вліянія. Тогдашніе авторы не обращали вовсе никакого вниманія на окружающую ихъ дѣйствительность, и лишь изрѣдка вниманіе ихъ возбуждалось грозными естественными явленіями. Въ 1784 г. въ Тобольскѣ кореннымъ сибирякомъ была сочинена ода о наводненіи, въ концѣ которой поэтъ объяснялъ, что—

Стихи сіи для той написаны причины,
Чтобъ водной сей разливъ всякъ помнилъ до кончины!

Иногда, впрочемъ, обстоятельства заставляли сочинителей коснуться общественныхъ условій сибирской жизни, и они тогда начинали искусственно восторгаться ею, восклицая—

Хоть населяютъ разныя орды
Хребтовъ и горъ сибирскихъ скаты горды,
Но отъ Туры до острова Ильи
Живутъ они, какъ дѣти мирныя семьи.

Невѣжество сибирскаго населенія было послѣдствіемъ недостатка соотвѣтствующихъ образовательныхъ средствъ. Въ допетровской Сибири школъ совсѣмъ не

было. Указъ Петра Великаго о заведеніи духовныхъ, «навигацкихъ» и другихъ школъ долго не приводился въ Сибири въ исполненіе какъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, такъ и по нерасположенію къ этому дѣлу начальства и общества. При Петрѣ митрополитъ Филоѳей Лещинскій основалъ въ Тобольскѣ духовную школу, но принужденъ былъ «поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ робятокъ набирать въ нее съ понужденіемъ». Въ тоже время епископъ Иннокентій первый открылъ школу въ Иркутскѣ; но она прекратила существованіе при его преемникѣ Варлаамѣ. Епископъ Иннокентій второй возобновилъ эту школу, силою набралъ въ нее около 60 мальчиковъ, и ученье началось. Содержаніе на школу шло съ монастырей въ самомъ ограниченномъ количествѣ—по 2 пуда муки, по 5 ф. крупы, по 2 ф. соли и по10 алтынъ на одежду въ мѣсяцъ на всѣхъ учениковъ. Жалованье и пищу учителя получали изъ личныхъ средствъ епископа Иннокентія. Послѣ его смерти школа въ 1746 г. закрылась и возобновилась только черезъ 31 г. Также непрочно было положеніе Тобольской дух. семинаріи, открытой въ 1744 г. Въ эту школу, въ силу ея отдаленности, не могли поступать дѣти изъ округовъ Иркутскаго, Забайкальскаго, Енисейскаго, Томскаго. Возить ихъ въ Тобольскъ родители не имѣли средствъ, и дѣти оставались неграмотными. Въ тотъ же 1744 г. митрополитъ Антоній открылъ школу въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, куда принимались лица изъ мѣстнаго духовенства, которыя не имѣли средствъ отправиться въ Тобольскъ. Учителями въ эту школу велѣно было опредѣлить «іеромонаха, или изъ свѣтскихъ, кого пристойно, и содержать ихъ на монастырскомъ пропитаніи, а которыя имѣютъ отцовъ, то отцамъ самимъ снабжать ихъ одеждою и книгами»..

Въ эту школу было принято 30 дѣтей, изъ которыхъ одному было 73 года, четыремъ свыше 40 л., четыремъ свыше 30, пяти по 20 слишкомъ, остальнымъ отъ 16 до 7 лѣтъ, и всѣ они проходили одинъ и тотъ-же учебный курсъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ школы встрѣчали энергичное противодѣйствіе со стороны начальства, которое видѣло въ нихъ разсадники ябедничества. Въ половинѣ XVIII в. камчатское духовенство основало 12 школъ, въ которыхъ училось 239 мальчиковъ. Въ 1761 г. Сенатъ освободилъ этихъ учениковъ отъ платежа по-

датей и велѣлъ снабжать ихъ казенною одеждою, обувью, пищею. Но самовластные правители Камчатки—Извѣновъ, Хмѣтевскій и Бемъ закрывали, на зло духовенству, одну школу за другою, и въ 1779 г. осталось только 4 школы съ 40 учениками. Слѣдующій начальникъ Камчатки, Рейнеке, закрылъ всѣ остальныя школы, и вопреки указу Сената, заставилъ учениковъ платить подати. Школы, заведенныя духовенствомъ, исчезли и вновь возникнуть уже не могли, потому что въ тогдашнемъ обществѣ не было никакого стремленія къ образованію. Нѣкоторыя инородческія племена стояли въ этомъ отношеніи гораздо выше русскаго населенія сибирскихъ городовъ. Якуты въ XVIII в. просили русское правительство открыть у нихъ школы; якутская духовная семинарія открыта также по настойчивой просьбѣ якутовъ; а сибиряки--русскіе въ это время не только не хлопотали объ открытіи школы, но даже отказывались отъ предложенія учреждать ихъ. Такъ поступили жители Енисейска, одного изъ лучшихъ сибирскихъ городовъ. Въ половинѣ XVIII в. подрастающее поколѣніе Енисейска или обучалось обманомъ, или просто посылалось родителями на улицу за милостыней. На весь енисейскій и красноярскій край была тогда всего одна школа въ Енисейскѣ, въ которой обучалось грамотѣ нѣсколько ребятъ, назначенныхъ родителями въ приказные, а учителемъ былъ отставной унтеръ-офицеръ. Когда Степанъ Самойловъ, избранный депутатомъ отъ Енисейска въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія, предложилъ обывателямъ просить черезъ него въ комиссіи объ открытіи въ Енисейскѣ аптеки и школы и о приглашеніи лѣкаря, то они заявили, что считаютъ это „совершенно излишнею роскошью». «И сіе нужно отнести токмо къ одному ихъ невѣжеству,»—замѣчаетъ Самойловъ.

Даже само взрослое молодое поколѣніе не имѣло никакого желанія учиться. Въ 1760 г. командиръ сибирскихъ войскъ, генералъ Веймарнъ, разослалъ по командамъ, циркуляръ о томъ, что есть молодые люди, «читать и писать гораздо умѣющіе и часть ариѳметики знающіе изъ офицерскихъ дѣтей, и кто къ такой нуждѣ охотники окажутся, то выбравъ, сколько таковыхъ найдется, прислать въ оную крѣпость при рапортахъ немедленно, которые тамъ инженерными офицерами обучаемы быть имѣютъ». Объ этомъ были извѣщены всѣ команды: но «читать и писать гораздо умѣющихъ и часть ариѳметики

знающихъ и желающихъ къ этой наукѣ» никого не оказалось. Только въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. усиліями правительства создаются школы: навигацкая въ Иркутскѣ, горная въ Барнаулѣ, наконецъ, Иркутская гимназія. Ученики этихъ школъ смотрѣли на учителей, какъ на враговъ, и не упускали случая избавиться отъ нихъ бѣгствомъ. Бѣгство школьниковъ иногда принимало даже массовой характеръ. Случалось часто, что мальчики, бѣжавъ изъ школы, зимой уходили изъ Иркутска въ Верхнеудинскъ, Верхоленскъ, Енисейскъ. Иногда школьники бѣгали цѣлыми артелями, воровали лодку и уплывали по рѣкѣ въ какое-нибудь отдаленное знакомое селеніе, или шли въ недальные отъ города лѣса; жили тамъ все лѣто въ пещерѣ или землянкѣ, питаясь ягодами и рыбой или попрошайничествомъ. Но недолго наслаждались свободой эти случайные пустынники; ихъ выгоняли къ начальству морозъ и голодъ; доставляли къ родителямъ и земская полиція. За кратковременную свободу въ лѣсу мальчуганы платились своей спиной. Тѣлесныя наказанія, особенно въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, граничили нерѣдко съ жестокостью. Мальчиковъ сѣкли постоянно, иногда давали по 1000 розогъ, отъ которыхъ дѣти тотчасъ же умирали. Наказанія школьниковъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ производились публично, какъ напр., въ Иркутской духовной семинаріи. Домъ этой семинаріи стоялъ на большомъ дворѣ, ворота котораго всегда были открыты и все пространство двора можно было видѣть съ улицы. Еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія семинаристовъ сѣкли публично на этомъ дворѣ и въ продолженіе наказанія звонилъ набатный колоколъ, висѣвшій подъ крышей семинарскаго зданія. Публика собиралась на это зрѣлище въ большомъ количествѣ и смотрѣла на него съ полнымъ удовольствіемъ.

Въ иркутскомъ географическомъ музеѣ хранится интересный предметъ: это желѣзная *рогатка*, которая надѣвалась на школьниковъ, чтобы они въ извѣстное время, напр. отъ наказанія не убѣгали изъ учебнаго заведенія. Рогатка надѣвалась на шею и здѣсь запиралась замкомъ: отъ шейнаго обруча шли два рога, которые заканчивались колокольчиками. Рога настолько возвышались, что до колокольчиковъ было нельзя достать рукой. Само собой понятно, что въ рогаткѣ не побѣжишь...

Знаменитый изслѣдователь Сибири Паллас писалъ въ своемъ дневникѣ, что кромѣ Томска «ни единаго мѣста не видалъ такого, въ которомъ были бы въ такой степени распространены развратъ и французская болѣзнь; на нихъ жалуются и въ другихъ сибирскихъ городахъ, и они вмѣстѣ съ пьянствомъ служатъ ужаснымъ бѣдствіемъ для населенія этой страны». Пьянство въ старинной Сибири было всеобщимъ порокомъ и имѣло самые огромные размѣры. Пили всѣ: старые и молодые, женщины и дѣти. Вина было много, и русскіе колонисты считали кабакъ необходимою принадлежностью каждаго селенія. Воеводы, несмотря на строгія запрещенія правительства, сами гнали водку и торговали ею, въ нарушеніе казенной продажи. Гдѣ не было хлѣбнаго вина, какъ напримѣръ, на Камчаткѣ, тамъ гнали вино изъ травъ. Паллас свидѣтельствуетъ о непрерывномъ пьянствѣ Кяхты и Иркутска. И не только европейскихъ путешественниковъ, но даже сосѣдей азіатцевъ, возмущало это безмѣрное пьянство сибиряковъ. Въ XVIII в. сибирскіе купцы, торговавшіе съ Джунгарскимъ ханствомъ, забравшись туда, часто пропивали и проигрывали всѣ свои товары «и пьянствовали тамъ и другія непотребныя дѣла чинили». Въ то-же время китайцы жаловались на безобразное пьянство русскихъ купцовъ, и однажды даже запретили имъ въѣзжать въ Китай, «ради ихъ безмѣрнаго пьянства».

Китайцевъ также сильно безпокоило въ XVIII вѣкѣ пьянство пекинскихъ миссіонеровъ, промотывавшихъ и свое жалованье, и церковную казну и наносившихъ китайцамъ жестокія обиды. Одинъ изъ нихъ, дьяконъ Филимоновъ, затесался однажды даже въ дворецъ богдыхана и поколотилъ тамъ китайскихъ мандариновъ. Онъ былъ закованъ китайцами въ кандалы, высланъ въ Селенгинскъ, а оттуда въ Иркутскъ, гдѣ потѣшалъ обывателей разсказами о своихъ пьяныхъ похожденіяхъ.

Наряду съ этимъ и семейная жизнь потеряла прежнюю цѣльность и чистоту. Первые завоеватели, пришедшіе съ Ермакомъ, отличалось особенною строгостью нравовъ. У нихъ было строжайшимъ образомъ запрещено *прелюбодѣяніе*; *виновнаго въ нарушеніи супружеской вѣрности* сажали въ оковы на 3 дня, потомъ его обмывали отъ грѣха при собраніи всѣхъ его товарищей, напѣвая нескомъ все его платье и ставили по горло въ воду. Но эти нравы еще при жизни Ермака начали переходить

въ противоположную крайность. Число женщинъ въ прежней Сибири было очень невелико сравнительно съ числомъ мужчинъ. Желая, по возможности, пополнить недостатокъ женщинъ въ Сибири, правительство иногда посылало ихъ туда, набирая изъ падшихъ женщинъ или преступницъ: такъ наприм., въ 1630 г. по указу препровождено въ Сибирь 150 дѣвицъ, набранныхъ въ Тотьмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ. Такая посылка продолжалась даже въ половинѣ XVII вѣка. Такъ, въ 1759 г. было опредѣлено послать на сибирскую линію годныхъ для замужества ссыльныхъ женщинъ. Сибирская губернская канцелярія предписала тарскей воеводской канцеляріи «ссыльныхъ для распредѣленія на поселеніе присылныхъ женокъ собравъ, самимъ воеводѣ и управителю первоначально учинить имъ осмотръ и годныхъ для замужества отправить въ Омскъ къ бригадиру Фрауендорфу». У первыхъ колонистовъ было чрезвычайно многоженство. Часто отцы семействъ продавали, закладывали или за кабаллли своихъ женъ, дочерей или другихъ родственницъ. Распространенъ былъ даже возмутительный обычай отдачи своихъ женъ «въ кортомъ». Если мужу нужны были деньги, а жену онъ могъ замѣнить другою, если онъ убѣжалъ на время въ Россію или отправлялся въ отдаленный походъ, то онъ оставляетъ желающему свою жену съ тѣмъ, чтобы тотъ за 10—20 руб. пользовался всѣми правами мужа и возвратилъ бы ее въ опредѣленное время.

Факты продажи женъ часто встрѣчаются даже въ актахъ XVIII в. Такъ, въ 1742 г. крестьянинъ Верхо-Томскаго Острога Красноярова, разъѣзжавшій для торговли по разнымъ мѣстамъ вмѣстѣ со своею женою, вернулся домой безъ жены; оказалось, что онъ продалъ ее кому то въ деревнѣ Усевой.

Взглядъ на женщину, какъ на вещь, держался въ Сибири, въ особенности въ отдаленныхъ и глухихъ ея углахъ, почти до самаго XIX вѣка. Происхожденіе такого взгляда, естественно, нужно видѣть въ слабости правосознанія тогдашняго населенія, въ отсутствіи гарантіи человѣческой личности, а главное, въ полномъ невѣжествѣ обитателей Сибири. Невѣжествомъ же только и объясняется существованіе въ народѣ суевѣрій, которыми разематриваемая эпоха была такъ богата.

Высокія горы съ ихъ снѣговыми вершинами, частыя землетрясенія, громадныя рѣки и степи, Восточный оке-

анъ и Ледовитое море съ его снѣжными ураганами. льдами и полярнымъ сіяніемъ: такое величественное и грозное озеро, какъ Байкалъ—все это, вмѣстѣ взятое, съ перваго раза поражало воображеніе пришельца, являвшагося изъ однообразныхъ скучныхъ равнинъ Европейской Россіи. Еще болѣе удаленный, чѣмъ великоруссъ, отъ вліянія европейской мысли житель Сибири свято хранилъ принесенныя имъ изъ метрополіи суевѣрія. Сибирякъ не только сохранилъ, но и создалъ новыя. Онъ въ этомъ отношеніи опустился ниже великоруссе и отчасти сдѣлался такимъ же фетишистомъ, какъ и покоренный имъ азіатъ. Нигдѣ на медвѣдя не смотрѣли съ такимъ страхомъ и уваженіемъ, какъ въ Сибири. про его умъ и хитрость разсказывались тысячи анекдотовъ.

Его считали человѣкомъ, обращеннымъ въ звѣря. Въ ноябрѣ 1732 г. въ Иркутскъ забѣжалъ огромный медвѣдь. Онъ прогулялся по всему городу, и послѣ того долго прожилъ въ окрестномъ лѣсу, наводя страхъ на городскіе табуны. Медвѣдя никто изъ иркутянъ не рѣшился застрѣлить, считая его оборотнемъ, а его прогулка по Иркутску была сочтена предвѣстіемъ смерти вице-губернатора Жолобова.

Таракановъ въ Сибири долго не было: они стали распространяться по ней въ XVIII в. черезъ южную границу Западной Сибири изъ средней Азіи и черезъ Кяхту изъ Китая. Они распространялись посредствомъ перевозимыхъ изъ мѣста на мѣсто вещей, по городамъ же и селамъ путешествовали сами изъ дома въ домъ. Частые пожары и эти переходы таракановъ изъ дома въ домъ породили въ тогдашней Сибири вѣрованіе, что тараканы одарены замѣчательнымъ предчувствіемъ, и лишь только зачуютъ въ извѣстномъ домѣ пожаръ, тотчасъ переселяются изъ него въ другой.

Помимо суевѣрія, крупной чертой міровоззрѣнія тогдашняго сибиряка было презрѣніе его къ другимъ народамъ и въ особенности къ западно-европейцамъ. Во время великой сѣверной войны въ Сибирь было сослано много шведскихъ плѣнниковъ, но ни одна сибирячка не хотѣла идти замужъ, «за поганаго обливанца». Правительство, желавшее поселить шведовъ въ Сибири, принуждено было разъяснить посредствомъ Синода, что бракъ съ шведами вовсе безгрѣшенъ и шведъ не можетъ опоганить православной женщины. Положеніе этихъ плѣнниковъ было во всѣхъ отношеніяхъ жалкое. Въ 1714 г. живніе въ

Томскѣ жаловались, что ихъ обыватели выгоняютъ съ квартиръ, выбрасываютъ на улицу ихъ пожитки, осыпаютъ бранью; что у начальства они не находятъ никакой защиты, а встрѣчаютъ только брань и даже попечины.

Низкій умственный уровень сибирскаго населенія того времени заставлялъ и само правительство смотрѣть на него, какъ на дикарей, не говоря уже о пріѣзжихъ иностранцахъ. Тѣ поражались некультурностью жителей, ихъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ и сравнивали жизнь въ Сибири съ адомъ. Центральное правительство, сознававшее необходимость реформированія системы управленія Россіи, согласно съ потребностями времени и пользуясь западно-европейскимъ примѣромъ, стремилась ввести живую струю въ общественныя отношенія. Но большая часть нововведеній Сибири не касалась, такъ какъ правительство считало ее къ нимъ неподготовленной. Въ 1701 г., напримѣръ, въ сибирскихъ городахъ, включая и Забайкалье, былъ полученъ указъ о ношеніи нѣмецкаго платья, обуви и объ употребленіи въ верховой ѣздѣ нѣмецкихъ сѣделъ. Въ 1706 г. указъ этотъ былъ отмѣненъ «для того, что посланы тѣ Наши Великаго Государя грамоты, не справясь съ Нашимъ Великаго Государя указомъ». Петръ В. самъ призналъ невозможность введенія въ Сибири одежды нѣмецкаго покроя, т. к. населеніе ни за что не хотѣло промѣнять свою одежду на «дьявольское одѣяніе», какъ оно называло платье нѣмецкаго покроя. На ряду съ этимъ, другой указъ Петра В. о бритьѣ усовъ и бороды, изданный 11 янв. 1715 г., выполненъ въ точности, быть можетъ, потому, что за невыполненіе его бралась пошлина: 100 руб. съ торговыхъ и посадскихъ людей и 30 руб. съ прочихъ городскихъ жителей. Тѣ, кто уплачивали пошлину, получали знаки, установленные спеціально для этого, которые высылались въ сибирскіе города изъ Москвы.

Петръ Великій обратилъ вниманіе на Сибирь, какъ на край, наименѣе устроенный и нуждавшійся въ неотложныхъ реформахъ, однако, всѣ его стремленія, клонившіяся къ благоустройству Сибири, приводились въ исполненіе лицами или несочувствующими, или непонимающими пользы ихъ и долгое время не достигали ожидаемыхъ результатовъ. Учрежденіе Петромъ В. сибирской канцеляріи облегчало центральному правительству веденіе сибирскихъ дѣлъ, но мало улучшало положеніе самихъ сибирскихъ дѣлъ въ огромномъ краѣ. Давъ губер-

наторамъ большія полномочія съ цѣлью облегчить свой трудъ по управленію Россіей и разсчитывая на безпристрастность своего выбора. Петръ В. этимъ самымъ способствовалъ развитію превышенія власти тогдашнихъ губернаторовъ. Съ особенною силою должно было это сказаться въ отношеніи сибирской губерніи, какъ отдаленной отъ правительственнаго центра, а, стало быть, и отъ контроля. Подтвержденіе того, что дарованіе тогдашнимъ сибирскимъ губернаторамъ большихъ полномочій имѣло свои отрицательныя стороны, служитъ то обстоятельство, что въ Тобольскѣ долго и упорно въ народѣ держалось убѣжденіе, будто первый сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ замышлялъ отдѣлиться отъ Россіи и образовать отдѣльное Сибирское государство. А иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ, «за разные законопротивные поступки» былъ преданъ суду. Ему вмѣнялось въ вину: казначеніе за взятку легкаго наказанія нерчинскимъ обывателямъ М. Бѣлоконытову и А. Судейкину, обвинявшимся въ важныхъ преступленіяхъ, ложное обвиненіе въ важныхъ преступленіяхъ сибирскаго губернатора тайнаго совѣтника Плещеева, полученіе взятокъ съ народа деньгами, золотомъ, серебромъ, освобожденіе за взятку якутскихъ сборщиковъ, обвинявшихся въ хищеніи казны, пытки двухъ человѣкъ, обвиненныхъ безъ достаточныхъ уликъ, при чемъ послѣ пытки «жегъ огнемъ», отчего одинъ умеръ; поборы себѣ лишняго жалованья и пріобрѣтеніе разными злоупотребленіями 31811 руб. и мн. др. За эти провинности, въ назиданіе другимъ, повелѣно Жолобова казнить 1 іюля 1736 г., и указъ объ его преступкахъ и казни «напечатать во всемъ государствѣ публиковать».

Если крупное административное лицо открыто допускало злоупотребленія по должности, то что же оставалось дѣлать воеводамъ и другимъ мелкимъ чиновникамъ?

По общему наказу воеводамъ представлены были большія полномочія, на нихъ возложенъ былъ общій надзоръ за всѣми отдѣлами администраціи и суда, приводить въ исполненіе приговоры «по секретнымъ дѣламъ», вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы городскія управленія и ихъ выборные чины вели городское дѣло «честно и благородно». Со смертью Петра Великаго сибирскіе воеводы и «начальныя люди» вошли еще въ большую силу, полномочія ихъ были почти безграничны, и воеводы во всякое время были властны въ жизни и смерти обывателя. Самовластіе воеводъ возрастало въ зависимости отъ от-

дальнія ихъ резиденціи отъ губернскаго города. Въ частной жизни они были деспотами и требовали почестей, соотвѣтствующихъ ихъ служебному положенію. Воеводы ходили въ церковь «парадным обычаем, носили передъ ними мечъ оберучный, какъ передъ растригою; а люди его всѣ передъ ними съ пищалями, саблями и со всякимъ оружіемъ, какъ передъ курфюретомъ нѣмецкимъ ходятъ». Холоповъ у воевод было множество: одни изъ нихъ звались дворецкими, другіе казначеями, иные стольниками и т. д. Когда мангазейскій воевода ходилъ въ баню, то передъ «баню приходили складчики его и поны, и на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ чиновъ люди ходили передъ баню челомъ ему ударить». Жена Кокорева при своемъ шествіи въ баню принимала такое же поклоненіе отъ всѣхъ женщинъ, которыхъ о выходѣ воеводши оповѣщалъ попъ Соска, говоря: «кто хочетъ бѣды избыть, то гнать-бы ко всемірной заступницѣ, которая, что захочетъ, то и дѣлаетъ».

Въ Енисейскѣ, уже въ началѣ XIX вѣка, передъ самымъ пріѣздомъ Сперанскаго, городничій Куклевскій катался по городу въ экипажѣ, запряженномъ чиновниками. Это онъ дѣлалъ столько же для собственнаго удовольствія, сколько и для наказанія этихъ чиновниковъ, которые хотѣли ходатайствовать о смѣнѣ его. По городамъ воеводы и другія приказныя люди держали цѣлыя ватаги женщинъ и дѣвушекъ для себя и для своихъ приближенныхъ ушниковъ, и продавая ихъ въ жены русскимъ инородцамъ. Если имъ казалось недостаточно этихъ женщинъ, пріобрѣтенныхъ путемъ купли, кабалы или войны, то они силою отнимали у обывателей женъ и родственницъ, а иногда воровали ихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держали ихъ гдѣ нибудь взаперти, а потомъ выпускали. Нѣкоторые воеводы заводили развратные дома съ цѣлью извлекать изъ нихъ барыши, другіе держали эти дома для того, чтобы лучше строить свои каверзы. Такъ, енисейскій воевода Галихвостовъ отдавалъ на откупъ помѣсячно «зернь и корчму и безмужныхъ женъ, на блудъ, и отъ того бралъ себѣ откупу рублевъ по 100 и больше, и тѣмъ блудным женамъ велѣлъ наговаривать на торговыхъ и проѣзжихъ и промышленныхъ людей напрасно для взятки».

Часто воеводы не выдавали служилымъ людямъ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья, или половину брали себѣ, а другую отдавали своимъ пріятелямъ. Чины суд и

расправу. они смотрѣли на свои обязанности съ чисто коммерческой стороны. Если мало было тяжбъ и жалобъ, то воеводы для своего обогащенія сами создавали ихъ. Они ссорили между собой жителей, приказывали имъ жаловаться другъ на друга, потомъ начинали судить ихъ, при чемъ обирали обѣ тяжущіяся стороны. Иногда они «для своего воровского умыслу и бездѣльной корысти устроялн по области заставы многія» и обирали на нихъ проѣзжающихъ, взимая въ свою пользу съ бѣдныхъ рубля по 4, а съ богатыхъ рублей по 40 и болѣе. Иногда правители шли еще дальше. Иркутскій воевода Ракитинъ въ 1717 г. напалъ за Байкаломъ, на ѣхавшій изъ Китая караванъ купца Гусятникова и совершенно разграбилъ его. Иркутскій губерн. Нѣмцевъ былъ друженъ съ атаманомъ разбойниковъ Гондюхинымъ. Кромѣ того онъ учредилъ въ городѣ, такъ называемую, «глухую команду», которая, разъѣзжая ночью по городу, производила воровства и разбои.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. прославился нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ, который былъ назначенъ главнымъ начальникомъ новыхъ поселеній между р. Какомъ и г. Нижнеудинскомъ. Онъ, прежде всего, составилъ для колонистовъ инструкцію, которая имѣла поразительное сходство съ инструкціей графа Аракчеева жителямъ села Грузина. Лоскутовъ предписалъ, когда и какъ долженъ вставать крестьянинъ, когда, какъ и гдѣ умываться, чѣмъ утираться, какія читать молитвы, сколько времени и какъ запрягать лошадей, какъ хозяйка должна доить корову, держать молоко, яйца, мясо, какъ снимать сметану, ходить за дѣтьми и пр. и пр. Лоскутовъ строго наблюдалъ за соблюденіемъ своей инструкціи. Онъ пріѣзжалъ въ селеніе не иначе, какъ съ командой казаковъ и съ возами палокъ и лозъ. И если увидитъ у бабы на платьѣ прорѣху или непокрытый горшокъ съ молокомъ, или невыполотыя въ огородѣ гряды—тотчасъ порка. Осмотрѣвъ и выдравъ женщинъ, Лоскутовъ отъѣзжалъ на поля и, если видѣлъ, что мужикъ спахалъ мало или плохо, то сѣкъ его; если замѣчалъ на обратномъ пути, что работа у показаннаго плохо подвигается впередъ, то снова сѣкъ его. Если въ селеніи случалась какая-нибудь кража, или другое преступленіе—тотчасъ съ возами палокъ и лозъ являлся Лоскутовъ, вызывалъ на улицу хозяина первой по порядку избы и сѣкъ его допрашивая: «Ты сдѣлалъ то-то?» Истязуемый указывалъ на кого-нибудь другого —

сѣкли и того и т. д., пока кто-нибудь не признавался въ преступленіи Наказаніе у Лоскутова было обыкновенное и съ пересыпкой. Вотъ какъ дѣлалась послѣдняя: сперва изобьютъ всю спину съ головы до пятъ палками, а потомъ, по этимъ ранамъ сѣкутъ розгами. Удары считались тысячами. При наказаніи Лоскутовъ обыкновенно приговаривалъ: «Господи, направь мерзавца».

Запуганность народа, неувѣренность его въ торжествѣ справедливости проявились особенно рельефно во время пріѣзда въ Иркутскъ Сперанскаго.

Крестьяне и горожане были застращены, чтобы не жаловались: по селамъ были отобраны всѣ перья, чернила и бумаги, чтобы не на чемъ было писать жалобъ и сложены въ волостныхъ правленіяхъ: въ Иркутскѣ съ того же пѣлью была выкуплена изъ казначейства вся гербовая бумага, на которой исключительно прежде писались жалобы и прошенія начальству.

По мѣрѣ того, какъ Сперанскій ближе и ближе подвигался къ Иркутску, жалобы на администрацію постепенно уменьшались, а въ Иркутскѣ совсѣмъ замолкли: народъ боялся подавать жалобы! Не побоялись только трехъ дряхлыхъ старика пожаловаться на Лоскутова, а когда Лоскутовъ при нихъ же былъ смѣненъ и арестованъ, то они, трясясь всѣмъ тѣломъ и рыдая, схватили Сперанскаго за полу и шептали: «Батюшка нашъ, что ты дѣлаешь? Вѣдь ты знаешь его, вѣдь это Лоскутовъ! Какъ бы тебѣ отъ него за насъ чего худо не было». И только небывалая до тѣхъ поръ въ Сибири доступность и честность Сперанскаго развязала языкъ сибиряковъ. И жалобы полились. Наряжено было нѣсколько слѣдственныхъ комиссій, но Сперанскій совершенно растерялся: ему приходилось судить всѣхъ поголовно, начиная съ губернатора и кончая волостнымъ писаремъ! Взяточничество до того вошло въ нравы, что Сперанскій считалъ несправедливымъ наказывать за него и только заставлялъ взяточниковъ возвращать взятое.

Сибирь славилась своимъ громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ вымогательства посылались сюда постоянно. Всегда часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ; но все это не помогало дѣлу. «Разныя конфузіи и безпорядки въ Сибири

не прекращались, а отъ управителей обыватели по-прежнему терпѣли тесное разореніе». Начиная съ Петра Великаго, наказанія правителей за взятки усилились: ихъ ссылали въ каторгу, имъ вырывали ноздри, ихъ били кнутомъ, имъ рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что давнымъ давно уже проникло до мозга костей тогдашняго общества. Взяточничество и послѣ Петра Великаго осталось такимъ же, какимъ оно было до него. «Крестьянамъ—писалъ де-Геннинъ Петру Великому—крестьянамъ бѣлымъ разореніе отъ судей и въ городахъ отъ земскихъ управителей и въ слободахъ дѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество уже весьма разорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сыскать можно. И хотя здѣсь всѣмъ извѣстенъ указецъ, учиненный князю Гагарину (т. е. казнь его), однако здѣсь въ Сибири не уменьшаются безчѣльники. Отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы чинятся и обиды народу. Судебные комиссары дѣлаютъ великія накости и неправды. И хотя челобитныя и доношенія на нихъ отъ бѣлыхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ и знатно, что такимъ ворамъ потачки отъ надворныхъ судей. Также объ учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ разсмотрѣній и резолюцій не чинится, и такихъ безчѣльниковъ не арестуютъ, отчего большія накости дѣются. А камергеры своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ». Несмотря на заботу правительства назначать въ сибирскіе города и селенія достойныхъ воеводъ и правителей, однако, Сибирь такихъ видѣла мало. Въ именномъ указѣ отъ 12 января 1739 г. по этому поводу говорится: «указали Мы въ Сибирскую губернію выбрать воеводами знатнаго шляхетства, добрыхъ и совѣстныхъ людей». Изъ Высочайшей резолюціи, объявленной 1 февраля 1740 г. на докладные пункты иркутскаго вице-губернатора, видно, что изъ 28 воеводъ, выбранныхъ Императрицею Елизаветою Петровною изъ числа представленныхъ ею кандидатовъ, лучшихъ приказало опредѣлить въ Якутскъ и Нерчинскъ. Иркутскій вице-губернаторъ Лангъ доносилъ: «для лучшей пользы потребно быть, чтобы въ Якутскъ и въ Нерчинскъ такіе воеводы опредѣлены были, которые бы имѣли добрей совѣсти... особливо, что въ сихъ двухъ убздахъ наилучшая мягкая рухлядь».

В. Загорскій.

АМУРЪ И МУРАВЬЕВЪ. *)

Не закроютъ солнца тучи.
М. Горькій.

13 марта 1848 года въ Иркутскѣ было замѣтно оживленіе; по улицамъ то и дѣло скакали курьеры, часто проѣзжалъ полицеймейстеръ Тюменцевъ и съ озабоченными лицами проходили и проѣзжали разныя начальствующія лица правительственныхъ учрежденій. Ночью ожидали прибытія новаго генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, до этого исправлявшаго должность военнаго и гражданскаго губернатора города Тулы. По поводу новаго назначенія, въ городѣ давно уже шли разговоры; говорили что Муравьевъ еще сравнительно молодой человѣкъ, не болѣе 38—39 лѣтъ, получившій воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, участвовавшій въ Турецкой и Польской войнахъ, служилъ въ войскахъ кавказскаго корпуса, принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами Четыре года онъ былъ начальникомъ втораго отдѣла черноморской береговой линіи. Говорили, что онъ назначенъ на постъ генералъ-губернатора, по представленію и выбору министра вн. дѣлъ Перовскаго и, кромѣ того, не безъ вліянія протекціи Великой Княгини Елены Павловны, у которой Муравьевъ когда-то былъ камеръ-пажемъ. Говорили, что онъ очень дѣятельный, энергичный, съ характеромъ, строгій, но справедливый и что онъ пользуется расположеніемъ Государя Императора Николая Павловича, которому предъ отъѣздомъ представлялся и на замѣчаніе Государя по вопросу восточныхъ дѣлъ, что ему въ Камчаткѣ не бывать,—отвѣтилъ: «постараюсь и туда добраться».

Новый генералъ-губернаторъ былъ встрѣченъ у Московскихъ воротъ только однимъ полицеймейстеромъ. Назавтра ему представлялись военные и гражданскіе чины города.

Ник. Ник. Муравьевъ вступилъ въ управленіе отдаленнымъ краемъ съ искреннемъ желаніемъ принести ему своимъ служеніемъ какъ можно больше пользы и, главное,

---

*) Пособіями къ составленію настоящаго очерка служили, помимо лично извѣстныхъ мнѣ фактовъ, книги: Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, Барсукова; занятіе Амурскаго края, Рагозы; Древняя и новая Россія 1878 года; Иркутская лѣтопись Пежемскаго; «Иркутскія губернскія Вѣдомости» за 1857, 1858 (библіографическая рѣдкость) и 1861 годы.

Вслѣдствіе спѣшности цитація не проставлена.

кончить съ честью Амурскій вопросъ. А положеніе этого вопроса было таково.

Съ 1644 по 1689 г. мы владѣли рѣкой Амуромъ. Партіи русскихъ промышленниковъ и казаковъ, начиная съ Хабарова, двигаясь на востокъ, не встрѣтили большихъ осѣдлыхъ населеній, а мелкія легко были покорены.

Амурскіе туземцы отнеслись къ русскимъ съ непріязнью за ихъ жестокое съ ними обращеніе, что и заставило ихъ просить покровительства маньчжуръ, которые, взявшись за оружіе, вытѣснили русскихъ со всѣхъ пунктовъ, заселенныхъ въ теченіе 45 лѣтняго пребыванія на Амурѣ. Русскіе заперлись въ своей крѣпости Албазинѣ и болѣе года, первоначально подъ начальствомъ храбраго воеводы Голбузина, оказывали упорное сопротивленіе маньчжурамъ, но въ это время въ Нерчинскѣ уже шли переговоры китайскихъ уполномоченныхъ съ окольничимъ Головинымъ о разграниченіи земель. И поэтому осада была снята. Прибывшіе съ Амура китайцы привезли съ собою на судахъ нѣсколько тысячъ войска и грозили, въ случаѣ упорства Головина, занять Нерчинскъ, въ которомъ весь гарнизонъ состоялъ лишь изъ 500 стрѣльцовъ. По трактату 27 августа 1689 года мы уступили китайцамъ почти всю сѣверную Маньчжурію и часть Дауріи, съ обширною водною системою р. Амура и сѣверными его притоками.

Сто пятьдесятъ лѣтъ объ Амурѣ всѣ какъ бы забыли, только время отъ времени наше правительство старалось мирными переговорами съ Китаемъ возвратить этотъ потерянный нами край, утрата котораго закрыла намъ свободный доступъ къ морю. Наши промышленники и казаки двинулись на сѣверо-востокъ Сибири. въ 1710—1720 годахъ образовались поселенія на Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ. Обслѣдуется прибрежье Охотскаго моря, учреждается плаваніе между Камчаткою и Охотскомъ, открываются Шантарскіе о-ва и начинается на нихъ производство пушного промысла. Потомъ русскіе появляются въ Аляскѣ, на Алеутскихъ островахъ и даже достигаютъ Калифорніи. Въ 1806 г. русскіе заняли о. Сахалинъ, образовавъ по берегу р. Тымь поселеніе.

Владѣя Камчаткой и Охотскимъ краемъ, имѣя въ нихъ рыбу и зекалу, русскіе въ виду характера мѣстности не могли устроить почтоваго тракта и сообщеніе шло на вьючныхъ лошадяхъ, которыхъ и отправлялось изъ Якутска въ Охотскъ ежегодно до 15.000 съ разными

грузами, что вызывало различныя неудобства, да и дорого обходилось правительству.

Рѣка Амуръ, хотя и представляла удобный путь къ Тихому океану, но она стала принадлежать китайцамъ и русскіе не имѣли права плавать по ней.

Мысль о возвращеніи Амура не покидала насъ, но боясь китайцевъ и дорожа кяхтинскою торговлею, мы не предпринимали рѣшительныхъ мѣръ къ возвращенію Амура, тѣмъ болѣе, что господствовало мнѣніе о недоступности устья р. Амура съ моря для морскихъ судовъ.

Такъ, въ 1805 г. отправленъ былъ посломъ въ Пекинъ графъ Головинъ, ему поручено было, между прочимъ, ходатайствовать о возвращеніи Амура. Посольство это возвратилось изъ Монголіи, не видавъ и пустыни Гоби. Въ 1810 г. иркутскій губернаторъ Трескинъ уполномоченъ былъ трактовать въ Кяхтѣ съ ургинскимъ ваномъ и амбанемъ. Въ числѣ вопросовъ трактата была и р. Амуръ, но китайцы только согласились принять нашего посланника и больше ничего. Въ 1828 году ген.-губернаторъ Лавинскій занялся вопросомъ о возвращеніи Амура и выписать изъ Якутскаго архива всѣ бумаги о р. Амурѣ, но бумаги эти погостили въ Иркутскѣ и возвращены обратно.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ появленіе китобоевъ въ Охотскомъ, Беринговомъ и Камчатскомъ моряхъ, открытіе англичанами въ китайскихъ водахъ пяти портовъ для торговли и возникновеніе торговаго движенія въ водахъ Тихаго океана и, наконецъ, продажа американцамъ русскихъ владѣній въ Калифорніи возбудили много разговоровъ въ печати и обратили вниманіе Имп. Николая I. Онъ поручилъ Россійско-Американской Ко. выяснить вопросъ о доступности Амура съ моря, но къ этому порученію отнеслись невнимательно и Государю вновь было представлено, что устье Амура недоступно для судовъ крупнаго размѣра и что Сахалинъ полуостровъ. Въ виду этого наше правительство рѣшило положить границу съ Китаемъ по южному склону Хинганскаго и Станового хребтовъ до Охотскаго моря къ Тагурской губѣ и отдать навсегда Китаю весь Амурскій бассейнъ, какъ безполезный для Россіи —по недоступности устья Амура, обративъ вниманіе на Аянъ, какъ хорошій портъ въ Охотскомъ морѣ и на Петропавловскъ, который долженъ быть укрѣпленнымъ портомъ въ Восточномъ океанѣ.

Но дѣятельность новаго генералъ-губернатора Муравьева, а также начавшаяся восточная война показали об-

ратную сторону этого вопроса, подвинули его къ окончанію и дали возможность русскимъ занять на Амурѣ то положеніе, которое надлежало имъ по праву. Муравьевъ рѣшилъ познакомиться съ положеніемъ ввѣреннаго ему края и посѣтить всѣ далекія мѣста, какъ-то: Камчатку, Охотскій край, Амуръ и по своей дѣятельной и горячей натурѣ не сталъ откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ.

Въ августѣ и сентябрѣ онъ посѣтилъ Забайкальскій край. Попутно поручилъ своему адъютанту Муравьеву изслѣдовать въ Кяхтѣ причины упадка торговли съ Китайцами. Какъ объ этомъ, такъ и о положеніи Нерчинскаго горнозаводскаго округа былъ посланъ Государю всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ, между прочимъ, онъ изложилъ свое мнѣніе, чтое англичане желаютъ овладѣть устьемъ Амура для полнаго обладанія торговлею въ Китаѣ, но давнишняя мечта русскихъ и въ особенности сибиряковъ обладать этой рѣкой и что кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Сибирью.

Муравьевъ вообще очень подозрительно относился къ иностранцамъ. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на частое посѣщеніе Иркутска англичанами, напр., Гиллемъ и Остеномъ, которые подъ именемъ туристовъ слѣдили за всѣми дѣлами, касающимися вопроса объ Амурѣ. Остенъ даже уѣхалъ въ Нерчинскъ, приступилъ къ постройкѣ большого плота, на которомъ предполагалъ спуститься внизъ по Шилкѣ и Амуру въ устье послѣдняго, но Муравьевъ, узнавъ о намѣреніи его, командировалъ поручика Вагапова не допускать Остена къ поѣздкѣ по Амуру, что и было исполнено.

15 мая 1849 г., въ 3 ч. дня, Муравьевъ съ женою выѣхалъ въ Камчатку, желая воочію увидѣть этотъ край и точно узнать, въ чемъ онъ нуждается, какія необходимо сдѣлать преобразованія. По распоряженію преосвященнаго Нила, выѣздъ его сопровождался колокольнымъ звономъ всѣхъ церквей Иркутска, въ знакъ духовнаго благословенія первой поѣздки перваго генералъ-губернатора, рѣшившагося на такое далекое и опасное путешествіе, а въ Хомутовой Кузнецовъ устроилъ Муравьеву обѣдъ. Прежде всего Муравьевъ со своими спутниками и 30 челов. нижнихъ чиновъ направился въ Якутскъ, сначала ѣхалъ на лошадяхъ, потомъ плылъ по Ленѣ на трехъ паузкахъ, нарочно для него построенныхъ.

Изъ Якутска Муравьевъ поѣхалъ въ Охотскъ, при чемъ болѣе 1100 вер. ѣхалъ по тропинкамъ, тундрамъ и боло-

тамъ, преодолѣвая разныя трудности и непріятности. Въ Охотскѣ прибылъ только 25 іюня.

Весь штатъ Муравьева состоялъ изъ 16 человѣкъ, со включеніемъ казаковъ и погонщиковъ. По тракту отъ Якутска въ Охотскъ было приготовлено по 40 лошадей, при чемъ 20 лошадей шли подъ вьюками, а 4 запасными. На эти 40 лошадей платились прогонныя деньги. Якутское начальство и якуты ожидали, что генералъ-губернаторъ потребуетъ для своего поѣзда не менѣе 150 лошадей, какое требовалось ранѣе отдѣльными частными шадей какое требовалось ранѣе отдѣльными частными путешественниками.

Изъ Охотска 4 іюля Муравьевъ на транспортѣ „Иртышъ“ уѣхалъ въ Петропавловскій портъ, куда прибылъ 25 іюля.

Увидѣвъ, что Петропавловскій портъ имѣетъ большое стратегическое значеніе, онъ приказалъ немедленно устроить нѣсколько батарей на избранныхъ имъ мѣстахъ.

2 августа Муравьевъ отбылъ на Сахалинъ, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ транспортомъ «Байкалъ», на которомъ Невельскій долженъ былъ произвести описаніе лимана и устьевъ р. Амура, но тутъ его не нашелъ. При обратной поѣздкѣ остановился въ портѣ Аянъ, куда 3 сентября вошелъ транспортъ «Байкалъ». Муравьевъ поѣхалъ на катерѣ къ Невельскому, который въ рупоръ сообщилъ радостную вѣсть, что Сахалинъ—островъ, а входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможенъ для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга!

Изъ Аяна Муравьевъ поѣхалъ въ Якутскъ аянскимъ трактомъ по р. Маѣ и Алдану и 200 верстъ ѣхалъ вверхъ по Ленѣ, а затѣмъ, дождавшись зимняго пути, выѣхалъ въ Иркутскъ, куда прибылъ 20 ноября.

Во время этой поѣздки онъ обратилъ вниманіе на устройство быта казаковъ, ознакомился съ жизнью и промыслами инородцевъ, принялъ рядъ мѣръ для улучшенія экономическаго положенія Восточной Сибири, облегчилъ участь сосланныхъ и основалъ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій.

1 января 1850 г. Муравьевъ командировалъ въ Петербургъ капитанъ-лейтенанта Невельскаго съ докладомъ о результатахъ его открытій и своей поѣздки, причемъ представилъ князю Меньшикову всѣ журналы и карты изслѣдованій и открытій относительно Амура, а также и

рапортъ о необходимости занятія устья р. Амура. возможно скорѣе.

Результаты изслѣдованія капитана Невельскаго побудили правительство обратить серьезное вниманіе на южное прибрежье Охотскаго моря и была Высочайше утверждена проектированная Муравьевымъ амурская экспедиція. цѣлью которой было, подъ видомъ торговли Россійско-Американской компаніи, основать въ заливѣ Счастья зимовье, чтобы оно считалось складочнымъ магазиномъ для торговли съ гиляками. Во главѣ этой экспедиціи былъ поставленъ Невельскій, который 29 іюня 1850 г. заложилъ первое русское селеніе около устья Амура. названное имъ Петровскимъ. Лѣтомъ онъ осмотрѣлъ низовья Амура и 6 августа впервые поднялъ на свободныхъ берегахъ Амура русскій военный флагъ. при крикахъ „ура!“ бывшихъ съ нимъ матросовъ и объявилъ гилякамъ сосѣдней деревни Куэгды. что они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство.

Такъ совершился первое занятіе русскими устья Амура. Оставивъ здѣсь постъ изъ 5 человѣкъ. Невельскій назвалъ его Николаевскомъ. Зимой Невельскій съ отчетами прибылъ въ Петербургъ. гдѣ находился и Муравьевъ, лично ходатайствовавшій о проведеніи нужныхъ для Сибири реформъ.

Весною 1852 году на р. Шилкѣ началъ строиться пароходъ „Аргунь“ въ 60 силъ на средства, данныя золотопромышленникомъ Е. Кузнецовымъ.

Въ слѣдующій 1853 годъ пароходъ былъ уже оконченъ и спущенъ на воду и начали строить барки и плоты съ такимъ разсчетомъ. чтобы на этихъ судахъ можно было поднять до 1000 чел. солдатъ и до 100.000 п. груза.

Эта предварительная подготовка къ пароходу по Амуру происходила по иниціативѣ Муравьева. который предвидѣлъ. что рано или поздно правительство разрѣшитъ сплавъ.

Въ апрѣлѣ 1853 года Государь повелѣть соизволилъ занять островъ Сахалинъ, гдѣ Невельскій 21 іюля. около устья р. Кулуная, поставилъ постъ Ильинскій: 1 августа въ Императорской гавани поставилъ постъ Константиновскій; 5 августа поднялъ русскій флагъ въ заливъ Де-Кастри. а 7 при выходѣ изъ озера Кизи въ Амуръ положилъ основаніе Маріинскому селенію.

Мѣстные обитатели смотрѣли на русскихъ съ уваженіемъ и отчасти съ страхомъ, какъ на новыхъ невѣдомыхъ пришельцевъ.

13 сент. 1853 г. въ Амуръ вышло первое военное судно изъ эскадры вице-адмирала Путятина.

Въ этомъ году послѣдовалъ разрывъ съ Западной Европой, что и побудило наше правительство обратить вниманіе на Амуръ, такъ какъ только сплавомъ по этой рѣкѣ мы могли своевременно и дешево снабжать наши порты Охотскаго побережья и Камчатки необходимымъ провіантомъ и оружіемъ.

За разрѣшеніемъ сплава на Амуръ обратились къ пекинскому двору, но отвѣтъ замедлилъ, а между тѣмъ 11 января 1854 г. комитетомъ по амурскимъ дѣламъ было разрѣшено Муравьеву произвести по Амуру сплавъ грузовъ для Камчатки. Извѣстіе это принято было сибиряками съ радостью, такъ какъ они давно ждали этого момента.

Муравьева по пути изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ въ Сибири встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни.

13 марта, въ 4 ч. дня, ген.-губернаторъ былъ торжественно встрѣченъ у Иркутской заставы военными и гражданскими чинами и городскимъ головою Медвѣдниковымъ съ гражданами.

21 марта въ благородномъ собраніи городское общество дало обѣдъ Муравьеву съ супругой по случаю возвращенія его изъ Петербурга и разрѣшенія сплава по Амуру. На обѣдѣ присутствовали два архіепископа: Аѳанасій иркутскій и Иннокентій камчатскій. Говорили по адресу Муравьева привѣтственныя рѣчи, въ которыхъ сибиряки благодарили его за тѣ труды и работы, которые онъ понесъ на пользу и благоденствіе дорогой имъ Сибири.

Муравьевъ пожелалъ лично присутствовать при первомъ сплавѣ. 20 октября онъ пригласилъ чиновниковъ въ Вознесенскій монастырь для присутствованія при молебствіи Св. Иннокентію, покровителю края.

Въ 4 ч. дня выѣхалъ со спутниками по кругоморскому тракту. Поѣхали съ нимъ слѣдующія лица: капитанъ Арбузовъ, подполковникъ Шмургинскій, Казакевичъ, Корсаковъ, Бибиковъ, Свербѣевъ, Герцфельдъ и чиновники особыхъ порученій; инженеръ Мравинскій, Ребиндеръ и Клюшкинъ; переводчикъ маньчжурскихъ языковъ Сы-

чевскій. красноярскій городской голова Кузнецовъ, подпоручикъ топографовъ Литвиновъ и мѣщанинъ Березинъ. За Ангарой, въ домѣ казака Могилева, городской голова А. П. Медвѣдниковъ для отъѣзжающихъ приготовилъ обѣдъ.

7 мая Муравьевъ прибылъ въ Шилкинскій заводъ и засталъ здѣсь самую кипучую дѣятельность. На серединѣ рѣки стоялъ на якорѣ пароходъ «Аргунь». Заводъ походилъ въ это время на муравейникъ. Тысяча солдатъ занята была нагрузкой на баржи провіанта, мастеровые конопатили, смолили и спускали суда въ воду. Рѣка Шилка далеко вверхъ отъ заводовъ была загромождена плотами, шедшими къ заводу съ разными экспедиціонными грузами. Всюду шумѣли, бѣгали и суетились....

Когда стало извѣстно, что Муравьевъ уже въ Шилкинскомъ заводѣ, къ нему поспѣшили явиться туда для проводовъ главные мѣстные начальники Забайкальской области и всѣ представители сословій. По подпискѣ между прибывшими былъ устроенъ 9 мая праздникъ въ честь Ник. Ник., причемъ заводъ былъ украшенъ флагами, транспарантами, вечеромъ зажгли иллюминацію, пущенъ былъ фейерверкъ, на видныхъ мѣстахъ были выставлены изъ разноцвѣтныхъ огней вензеля виновника торжества. За роскошнымъ ужиномъ, читали стихотворенія, сочиненныя въ честь настоящаго торжества.

14 мая рано утромъ отданъ былъ приказъ выступить въ путешествіе послѣ полудня. День былъ ясный, солнце ярко освѣщало берегъ Шилки. Хребты и долины, озаренные его свѣтомъ, казалось, радовались тому, что происходило на рѣкѣ. Около 4 часовъ пробили тревогу, изъ лагеря показался Муравьевъ со своей свитой, и всѣ двинулись къ берегу. Здѣсь на полянѣ стоялъ небольшой столъ, покрытый скатертью и на немъ икона Божіей Матери, изъ Албазина, которою мѣстный священникъ благословилъ всѣхъ отплывающихъ. Изъ заводской церкви, находящейся за рѣкою, несли хоругви и иконы; за ними шло духовенство и клиръ, съ колокольни раздавался благовѣстъ.. Шествіе съ иконами перешло въ лодку, чтобы переплыть къ лагерному мѣсту и тихо понеслось по рѣкѣ его молитвенное пѣніе,—«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его». Всѣ сняли шапки.

По окончаніи молебствія, на мачтѣ генеральской лодки взвился флагъ, всѣ стали на свои мѣста и раздалась команда снятся съ мѣста. Выстрѣлы заводской

пушки привѣтствовали начало плаванія. горныя вняли вторили ей и перехватывали эхо. населеніе Шилки кидало шапки въ воздухъ и кричало „ура“. Это было восторженное единодушное, радостное привѣтствіе и какъ бы предзнаменованіе благополучнаго исхода новому пути. Музыка играла гимнъ. Флотилія двинулась. Впереди всѣхъ шла лодка генералъ-губернатора, который стоялъ въ носовой ея части, заложивъ палецъ правой руки за борть мундира и устремивъ взглядъ въ синѣющую даль рѣки Лицо его сіяло отъ радости, въ эту минуту начали исполняться его мечты, ради которыхъ въ теченіе шести лѣтъ онъ не зналъ покоя.

Болѣе, чѣмъ на двѣ версты, растянулась флотилія, за генералъ-губернаторской лодкой неслись три офицерскихъ вельбота, а за ними слѣдовало 5 лодокъ, 18 баркасовъ, 13 баржъ, 8 плашкоутовъ, 29 плотовъ и пароходъ «Аргунь».

Въ составъ экспедиціи входили, кромѣ Муравьева, двадцать чиновниковъ, 754 ч. нижнихъ чиновъ, 120 казаковъ съ 118 лошадьми, 8 офицеровъ, 16 мастеровыхъ и 4 пушки. При отрядѣ слѣдовало 20,600 п. муки, 2500 п. крупы, 300 п. овса, не считая груза для нуждъ Камчатской флотиліи.

Первый ночной привалъ былъ у Усть-Кары, въ 18 верстахъ отъ мѣста отбытія. На зеленомъ лугу берега Муравьевъ со штабомъ ужиналъ, лучшимъ блюдомъ была бѣлуга

Въ 3 ч. утра понеслись далѣе. Муравьевъ и его спутники любовались живописнымъ берегомъ Шилки; лѣвый покрытъ хвойнымъ лѣсомъ, а правый—равнинный. Населеніе прибрежныхъ деревень высыпало на берегъ при видѣ небывалаго зрѣлища.

18 мая въ половинѣ третьяго пополудни экспедиція вступила въ воды Амура. Отрядъ остановился. Музыка заиграла гимнъ, всѣ сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ. Муравьевъ, зачерпнув въ стаканъ амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по Амуру, раздалось восторженное «ура» и флотилія понеслась впередъ.

Такимъ образомъ, послѣ двухсотлѣтняго промежутка времени, патріотическими усиліями и настойчивостью Н. Н. Муравьева русскіе снова появились на Амурѣ. Хотя вода Амура была и на прибыли, но, въ виду неизвѣстности направленія фарватера рѣки, или только

днемъ, на ночь же дѣлали остановки. По берегу Амура селеній не было.

20 мая флотилія подошла къ мѣсту бывшаго Албазина, нѣкогда обагреннаго кровью первыхъ русскихъ соотечественниковъ. Причаливъ къ этому пустынному мѣсту, музыка заиграла „Коль славенъ". Здѣсь была остановка на цѣлый день. Послѣ Албазина берега начали оживляться, то и дѣло встрѣчались бродячіе дауры, а немного не доходя до китайскаго города Айгуна, русскіе увидѣли и первыя фанзы маньчжуръ.

28 мая флотилія подошла къ Айгуну, но губернаторъ города, не получившій къ тому времени распоряженій изъ Пекина, не хотѣлъ пропускать суда. Назавтра 29 Муравьевъ отправился къ китайскимъ властямъ самъ и получилъ разрѣшеніе, главнымъ образомъ, потому, что китайскіе чиновники были перепуганы появленіемъ парохода и огромнаго числа барокъ и лодокъ, и только желали, чтобы незванные гости скорѣе ушли.

5 іюня, при выходѣ изъ Уссури въ Амуръ, Муравьевъ обратилъ вниманіе на высокій берегъ рѣки съ выступающей скалой и, сказалъ, что здѣсь будетъ городъ! Теперь, дѣйствительно, тутъ Благовѣщенскъ, а на скалѣ поставленъ ему памятникъ.

9 іюня свирѣпствовала буря, грузовыя суда были прибиты къ низменному берегу, провіантъ подмоченъ, отрядъ простоялъ тутъ двое сутокъ для просушки и починки.

14 іюня, утромъ, въ 7 верстахъ отъ Маріинскаго поста флотилія была встрѣчена Невельскимъ. Къ полудню, при крикахъ «ура» всего отряда, она пристала къ берегу. За обѣдомъ у Н. Н. Муравьева всѣ поздравляли другъ друга съ окончаніемъ перваго сплава по Амуру.

Эта первая военная экспедиція составляетъ важную эпоху въ исторіи пріобрѣтенія Амура: она проложила Россіи путь къ Восточному океану.

Изъ числа солдатъ перваго сплава 100 человѣкъ были отправлены въ Петропавловскъ, чрезъ озеро Кизи, въ заливъ де-Кастри на укомплектованіе находящагося въ Камчатской флотиліи 17-го флотскаго экипажа, а отсюда на транспортахъ «Путьшъ» и «Двина», пошедшихъ изъ Кронштадта въ Камчатку съ орудіями. Сотня казаковъ была оставлена въ Маріинскомъ посту, а остальные сплавлены въ Николаевскій портъ. Муравьевъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія на случай нападенія непріятеля, такъ какъ

въ это время уже шла извѣстная крымская война, посѣтилъ заливъ де-Кастри, Императорскую гавань, побывалъ въ Петровскомъ и въ Николаевскѣ, гдѣ лично выбралъ мѣсто для постройки батарей, и 10 августа отбылъ чрезъ Аянъ и Якутскъ въ Иркутскъ, куда прибылъ вечеромъ 26 сентября.

Назавтра, въ 11 ч. утра, ген.-губернатору представлялись чиновники, а потомъ всѣ послѣдовали въ соборъ, гдѣ былъ совершенъ архимандритомъ Петромъ съ городскимъ духовенствомъ благодарственный молебенъ по случаю счастливаго окончанія дальняго пути по Амуру.

О благополучномъ прибытіи сплава по Амуру иркутяне узнали еще 4 августа, когда прибылъ сюда подполковникъ Корсаковъ и купецъ Кузнецовъ, оба бывшіе съ генераломъ на Амурѣ. Того-же дня Корсаковъ выѣхалъ въ Петербургъ съ пакетами и донесеніями.

6 ноября утромъ Иркутскъ облетѣла вѣсть, что къ Муравьеву прибылъ отъ камчатскаго военнаго губернатора Завойко нарочный съ донесеніями, что 18 августа англо-французскій флотъ сдѣлалъ нападеніе на Петропавловскій портъ и бомбардировалъ его. 24-го было высажено на берегъ 650 чел. десантнаго войска, но нападеніе было съ успѣхомъ отражено, при чемъ непріятель потерялъ 300 человѣкъ и знамя.

Захваченное знамя доставлено Муравьеву. 27 августа непріятель ушелъ въ море. Въ Петропавловскѣ было 1016 чел. войска и 60 пушекъ. Какъ иркутяне были довольны по поводу совершеннаго сплава, такъ были обрадованы и извѣстіями объ отраженіи непріятеля. Всѣ сознавали, что занятіе нами устьевъ Амура и совершенный по этой рѣкѣ сплавъ разнаго рода припасовъ для Камчатки были причиной благополучнаго отраженія непріятеля.

Въ этотъ же день, въ 10 ч. утра, въ соборѣ преосвящ. Аѳанасіемъ совершено молебствіе по поводу одержанной побѣды надъ непріятелемъ.

Муравьевымъ былъ данъ для чиновниковъ и гражданъ обѣдъ. Послѣ обѣда знамя, отнятое въ сраженіи у англичанъ, возили по улицамъ для показанія народу, въ сопровожденіи отряда конныхъ казаковъ и полицеймейстера. Назавтра, 7 ноября, въ благородномъ собраніи былъ устроенъ городскимъ головой Медвѣдниковымъ балъ.

Н. Н. Муравьевъ предполагалъ, что непріятель, хотя и получилъ упорное сопротивленіе, но, имѣя въ своемъ распоряженіи 26 боевыхъ судовъ, послѣ зимы возобновитъ свои дѣйствія. Въ виду этого Муравьевъ послалъ въ Петропавловскій портъ курьера, который выѣхалъ въ декабрѣ чрезъ Якутскъ, Охотскъ и Гижигу по дикому побережью Охотскаго моря, совершивъ 8½ тыс. вер. на собакахъ въ 3 мѣсяца, съ приказаніемъ вооружить всѣ суда, снять Петропавловскій портъ съ его укрѣпленіями, забрать гарнизонъ и не только военныхъ, но и гражданскихъ чиновъ съ ихъ семействами и ранней весной выйти въ море. Курьеръ прибылъ въ Петропавловскъ 3 марта, а чрезъ мѣсяцъ 7 судовъ, съ грузомъ въ 80000 пуд. по искуственному во льду каналу вышли изъ гавани; благодаря туману, прошли мимо непріятеля и чрезъ мѣсяцъ тяжелаго плаванія прибыли въ бухту де-Кастри.

Оставленный Петропавловскъ спасалъ честь нашего оружія и эскадры.

Непріятель, видя, что онъ обманутъ, погнался за ушедшими, но въ ночь на 15 мая наша эскадра вошла въ только что вскрывшійся Амуръ. Англичане не знали, что думать: они не подозрѣвали о возможности прохода на сѣверъ; въ то время только русскіе знали, что Сахалинъ островъ и входъ въ Амуръ возможенъ и съ юга. Такъ **состояло дѣло при устьѣ Амура.**

Между тѣмъ, Муравьевъ не переставалъ хлопотать о снабженіи войсками и боевыми припасами занятаго нами Амура.

26 февраля 1855 года утромъ въ Иркутскъ привезли изъ Омска 24 большихъ мѣдныхъ и чугунныхъ пушки разной величины, отъ 100 до 200 пудовъ вѣсомъ, при нихъ слѣдовали ядра и картечь. Остановка была на площади противъ гауптвахты и 27 отправлены дальше за Байкалъ. Весь городъ въ теченіе дня перебывалъ на площади, желая посмотрѣть пушки «на страхъ врагамъ».

Онѣ везены были крестьянами, собранными по наряду изъ разныхъ деревень, каждую пушку везло 60 лошадей. До послѣднихъ чиселъ марта продолжали по временамъ проходить транспорты съ разными военными снарядами и порохомъ и разными желѣзными вещами для парохода —якорями и машинами. Все это слѣдовало на Амуръ. 30 марта Муравьевъ вновь отбылъ въ дальній путь на Амуръ, на второй сплавъ. Сплавъ этотъ былъ раздѣленъ на три части: 1-я—изъ 26 баржъ подъ начальствомъ

самаго Муравьева: 2-я—изъ 52 баржъ и 3-я—изъ 35 Этимъ сплавомъ было доставлено на защиту приамурскаго края 3000 чел. войска, 120,000 пуд. различнаго провіанта и тяжелыя крѣпостныя орудія для укрѣпленія Николаевскихъ фортовъ, этимъ же сплавомъ ѣхала на Амуръ экспедиція Маака, снаряженная сибирскимъ отдѣломъ Географическаго общества. Кромѣ того, въ этотъ сплавъ, въ виду разрѣшенія занять лѣвый берегъ Амура, были доставлены сюда 480 чел. крестьянъ, которыхъ поселили между Маріинскимъ и Николаевскимъ постами.

Такъ какъ непріятельская эскадра, болѣе 50 судовъ, находилась въ Охотскомъ морѣ и всякую минуту можно было ожидать ея нападенія, то укрѣпленіе Николаевской крѣпости шло съ большою поспѣшностью, ея батарея была вооружена 53 орудіями. Муравьевъ лично слѣдилъ за всѣми дѣлами.

Непріятель 27 іюня посѣтилъ Аянъ, жители котораго разбѣжались по лѣсамъ. Съ 3 по 10 октября онъ бомбардировалъ Николаевскъ.

Въ Охотскомъ морѣ Муравьевъ едва избѣжалъ плѣна: находясь на баржѣ «Пальметто», онъ въ теченіе 10 сутокъ былъ преслѣдуемъ французскимъ непріятельскимъ кораблемъ, и лишь на 18-й день вошелъ въ портъ Аянъ.

Изъ Аяна зимнимъ путемъ Муравьевъ выѣхалъ до Нелькана верхомъ на оленяхъ, а оттуда, вдоль по р. Маѣ, на собачьихъ нартахъ; посѣтилъ Якутскъ и въ Иркутскъ прибылъ ночью съ 14 на 15 декабря. Ранѣе, въ серединѣ ноября, проѣхалъ чрезъ Иркутскъ полковникъ Корсаковъ съ донесеніемъ отъ Муравьева Государю о положеніи дѣлъ на Амурѣ.

31 дек. 1855 г., по случаю проводинъ стараго года и пріѣзда Муравьева, въ городѣ было торжество. Противъ ген.-губернаторскаго дома былъ устроенъ фейерверкъ и разные вензеля, играла музыка. Большая улица была уставлена плошками и украшена фонарями. Театръ тоже былъ иллюминованъ и украшенъ вензелями. На Ланинской улицѣ, при пересѣченіи ея Большой, построенъ былъ большой щитъ съ вензелемъ Н. Н. Муравьева и освѣщенъ былъ плошками. Въ театрѣ шелъ парадный спектакль.

По улицамъ происходило многолюдное движеніе зрителей.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія относительно третьей амурской экспедиціи и по управленію краемъ, 14

января 1856 г. Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ въ Петербургъ. Въ вознесенскомъ монастырѣ городскимъ головою Петромъ Осиповичемъ Катышевцевымъ былъ приготовленъ отъѣзжающему прощальный обѣденный столъ.

Въ январѣ чрезъ Иркутскъ прослѣдовали на Амуръ пушки вѣсомъ отъ 300 до 400 пуд. и болѣе; кромѣ того, проходило много разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Въ эту поѣздку Муравьевъ ходатайствовалъ о формальномъ уполномочіи его для переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ, при заключеніи новаго трактата: опровергъ всѣ доводы министерства иностранныхъ дѣлъ, которые были выставлены противъ его ходатайства, и Государь Императоръ повелѣлъ дать Муравьеву полномочіе для переговоровъ, а плаваніе по Амуру продолжать.

Въ началѣ 1856 года изъ Китая стали доноситься вѣсти, что китайцы не допустятъ болѣе сплавовъ; поэтому Муравьевъ командировалъ Корсакова на Амуръ для переговоровъ, которые закончились благополучно, такъ какъ китайцы, зная, что русскіе навезли на Амуръ много войска, согласились, что препятствовать сплаву не будутъ, только просили, чтобы наши не обижали ихъ людей.

Третій сплавъ по Амуру былъ подъ начальствомъ подполковника Бусее, въ составѣ 110 различнаго рода лодокъ, баржъ: съ этимъ сплавомъ прибыло на Амуръ 1636 чел. солдатъ и 289.750 пуд. груза, главнымъ образомъ, пушки и снаряды. Для этого сплава Вел. Князь Конст. Николаевичъ подарилъ шесть винтовыхъ корветовъ и шесть клиперовъ.

Въ началѣ 1856 года въ Парижѣ былъ заключенъ миръ и войска, переведенныя на Амуръ для отраженія непріятеля, въ теченіе лѣта были возвращены обратно. Такъ, въ августѣ прибыло въ Забайкалье около 2000 чел. солдатъ, выступившихъ съ Амура въ началѣ іюля, нѣкоторымъ пришлось перенести массу лишеній. Третій отрядъ, въ 380 человѣкъ, выступилъ въ концѣ іюля, прибылъ въ Усть-стрѣлку 16 декабря, пробывъ въ пути 143 дня и выдержавъ сорокодневный голодъ и холодъ, отчего 102 человѣка въ пути умерло. Есть преданіе, что во время этой голодовки было людоѣдство.

Судьба третьяго отряда надѣлала много шума не только въ Россіи но и за границей.

Къ концу 1856 года учреждена Приморская область, Николаевскій постъ переименованъ въ Николаевскъ и избранъ мѣстопребываніемъ губернатора. Между Нико-

лаевскомъ и Маріинскомъ были выстроены почтовыя станціи. а изъ Америки получены для плаванія по Амуру два парохода «Амуръ» и «Лена».

Такимъ образомъ, Россія признала Амурскій край своимъ, хотя договоровъ на этотъ счетъ еще не существовало.

Въ началѣ 1857 г. для рѣшенія возникшихъ вопросовъ между Россіей и Китаемъ посланъ былъ для переговоровъ графъ Путятинъ, который прибылъ въ Иркутскъ 21 марта. и выѣхалъ далѣе 27-го въ Кяхту, а отсюда послалъ китайскому правительству извѣщеніе, требуя пропуска въ Пекинъ. Въ маѣ пришелъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что особенно важныхъ дѣлъ съ Россіей нѣтъ.

25 мая Муравьевъ съ Путятинымъ выѣхали на Амуръ съ четвертымъ сплавомъ, который перевезъ туда 450 семей казаковъ для заселенія берега Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія р. Уссури. Сплавъ грузовъ въ этомъ году былъ отданъ съ подряда иркутскимъ купцамъ Серебрякову и Зимину.

Муравьевъ все лѣто пробылъ на Амурѣ, посѣтивъ устье р. Бурен и Хинганскій хребетъ, гдѣ лично указывалъ мѣста для заселенія казаковъ.

Путятинъ уѣхалъ къ берегамъ Китая: достигнувъ рѣки Пейхо, вошелъ въ сношеніе съ китайскими властями и получилъ отвѣтъ. что изъ-за возникшихъ недоразумѣній не стоитъ разрывать двухсотлѣтнюю дружбу.

Подобный уклончивый отвѣтъ былъ данъ потому. что китайцы насъ боялись. хорошо зная наши силы на Амурѣ. А тогда на границахъ Маньчжуріи войска было 4000 чел., Монголіи—четыре линейныхъ баталіона, 12 нѣшихъ баталіоновъ Забайк. казачьяго войска, линейной артиллерійской бригады 1 т. и 6 конныхъ полковъ Забайкальскаго казачьяго войска: всего 22,000 человѣкъ; орудій батарейныхъ 8, легкихъ 21. горныхъ 8.—всего 10.

21 августа Муравьевъ возвратился въ Иркутскъ

30-го, въ день тезоименитства Государя Императора, у него былъ данъ для чиновниковъ и гражданъ городъ большой званый обѣдъ. за обѣдомъ играла музыка Вечеромъ былъ балъ въ залѣ благороднаго собранія и спектакль въ театрѣ безъ платы за входъ. Городъ былъ красиво иллюминованъ. Чрезъ нѣсколько дней Муравьевъ уѣхалъ въ Петербургъ. гдѣ пробылъ недолго и уѣхалъ за границу лѣчиться. оттуда былъ вызванъ въ Петербургъ для совѣщанія относительно предполагавшагося посланія

Путятина, который былъ назначенъ начальникомъ отдѣльной эскадры и комиссаромъ для наблюденія за дѣйствіями западныхъ державъ въ отношеніи къ Китаю, а должность посланника была уничтожена. Китайцы были извѣщены, что самъ Муравьевъ получилъ отъ Государя приказаніе, какъ ему переговариваться и какъ дѣйствовать на границѣ.

Зимой открылся трактъ отъ Николаевска до Усть-Стрѣлки. До Маріинскаго поста были выстроены станціи, у нѣкоторыхъ стояли столбы съ двухглавыми орлами, названіями станцій и означеніемъ числа верстъ.

Въ навигацію 1857 года состоялось открытіе торговаго пароходства по р. Амуру. 3 іюля прибылъ съ Усть-Амура въ Усть-Стрѣлочный карауль (при сліяніи Шилки и Аргуни) рѣчной пароходъ «Лена» подъ командой капитана лейтенанта Сухомлина, съ почтою, пассажирами и грузомъ разнаго товара, и прошелъ далѣе по Шилкѣ въ Шилкинскій заводъ, куда прибылъ 18 августа. Жители были пріятно изумлены такимъ далекимъ гостемъ, встрѣтили его громкимъ ура и ружейными выстрѣлами. Команда парохода дружно отвѣчала тѣмъ же народнымъ кликамъ. Въ этомъ безыскусственномъ привѣтствіи краснорѣчиво высказались надежды мѣстныхъ жителей на развитіе зарождающейся торговли съ Америкой, и глубокое сочувствіе къ видамъ начальника края. Вслѣдъ за „Леной“ пришелъ 20 августа въ Усть-Зею 2-й пароходъ „Амуръ“, тоже съ разными товарами и, между прочимъ, на немъ было привезено 4350 соболей на 36,114 р., 14 лисицъ—сиводушекъ и 30 хорьковъ. Мѣха эти принадлежали красноярскому купцу Кузнецову. Пароходы были правительственные, желѣзные, изготовлены въ Америкѣ; поздно осенью 1856 г. были доставлены на купеческомъ суднѣ къ устью Амура и здѣсь уже собраны. 17 марта въ Николаевскѣ спущена съ эллинга на ледъ «Лена», а 21 апрѣля «Амуръ». 31 мая «Амуръ» отплылъ изъ Маріинскаго поста въ Усть-Стрѣлку (2500 верстъ, шелъ ровно 30 дней). Непзвѣстность фарватера заставляла терять много времени. Въ 9 ч. веч. пароходъ останавливался и за густыми утренними туманами не могъ слѣдовать далѣе ранѣе 8 час. утра. Весеннее половодье тоже препятствовало быстрѣйшему ходу парахода противъ теченія.

Въ это лѣто Николаевскъ посѣтило шесть иностранныхъ кораблей, на которыхъ были съѣстные припасы, ма-

нуфактурныя издѣлія и колоніальные товары, всего на 382,090 руб.

Въ іюлѣ иркутяне узнали о началѣ торговаго пароходства по Амуру. Ликованіямъ не было конца. Никакое, кажется, событіе не имѣло такого вліянія на умы жителей Восточной Сибири, какъ открытіе плаванія по Амуру. Самая занимательная новость въ Иркутскѣ—это что-нибудь объ Амурѣ.

Да и какъ было не радоваться сибирякамъ?

Обладаніе Амуромъ или открытіе безпрепятственныхъ постоянныхъ торговыхъ сношеній по этой рѣкѣ—было всегда вопросомъ первостепенной важности для Восточной Сибири. Не много можно найти на земномъ шарѣ рѣчныхъ системъ, которыя имѣли бы такое огромное значеніе для данной страны, какъ Амуръ для Восточной Сибири. Всѣ понимали, что такая большая рѣчная система есть *безцѣнное сокровище*, естественный и вѣрнѣйшій залогъ благосостоянія Сибири, живительное начало всей матеріальной и промышленной жизни края, что Амуръ долженъ быть жизненной артеріей для Сибири, что *обширная* страна, лежащая между Амуромъ и Становымъ хребтомъ, составляетъ самую лучшую область Восточной Сибири, самую плодородную и способную къ воздѣлыванію; она со временемъ можетъ стать житницей для Камчатки и всего сибирскаго прибрежья Восточнаго океана... Сибиряки привѣтствовали приходъ «Лены» и «Амура» въ Усть-Стрѣлку, какъ новую эру въ промышленной исторіи Восточной Сибири, какъ начало новаго періода для ея торговли.

12 янв. 1858 года получено въ Иркутскѣ извѣстіе, что Высочайшимъ приказомъ отъ 6 декабря 1857 г. Н. Н. Муравьевъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Вѣсть эта вызвала всеобщее желаніе отпраздновать новое высокое назначеніе начальника нашего края и тѣмъ принести ему хотя заочное поздравленіе. По общему желанію иркутскаго общества 14 января въ благородномъ собраніи былъ устроенъ обѣдъ на 170 человѣкъ, причемъ участіе въ этомъ обѣдѣ пожелали принять и дамы. Предсѣдательствующій К. К. Вендель провозглашалъ заздравные тосты, которые были принятыи съ восторженнымъ «ура». Давно въ Иркутскѣ не было такого праздника, который, несмотря на многочисленность гостей, скорѣе походилъ на семейный обѣдъ, вполнѣ искренній и радушный

9 февраля прибылъ Муравьевъ. 2 марта городское общество въ благородномъ собраніи, по случаю благополучнаго возвращенія изъ Петербурга, давало обѣдъ. Къ тому же, еще было получено радостное извѣстіе объ утвержденіи проекта Амурской торговой компаніи. Всѣ сознавали важныя послѣдствія отъ этого для промышленнаго быта Восточной Сибири. Иркутяне, особенно торговое сословіе, не могли не быть признательными тому, кто открылъ для Сибири торговый путь по Амуру. Во время обѣда тостъ за здоровье амурскаго предпріятія былъ принятъ съ искреннимъ восторгомъ.

17 марта иркутскій 2 гильдіи купецъ Андрей Вас. Бѣлоголовый вступилъ въ управленіе дѣлами Амурской Ко., которая учреждалась съ цѣлью развить въ Приамурскомъ краѣ дѣятельную торговлю и промышленность.

Въ апрѣлѣ иркутяне покупали въ управленіи генеральнаго штаба карту р. Амура, вновь исправленную и дополненную изъ иностранныхъ и глазомѣрныхъ съемокъ.

6 апр. Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска на Амуръ, а 26 изъСтрѣтенска, во время ледохода по р. Амуру, поѣхалъ на особыхъ баржахъ въ сопровожденіи архіеп. Иннокентія 5 мая, не доходя устья р. Зеи, онъ былъ встрѣченъ китайскими чиновниками, просившими обождать прибытія въ Айгунъ ихъ главнокомандующаго изъ Цицикара.

6 мая, по прибытіи Муравьева въ Усть-Зею, къ нему пріѣхалъ изъ Айгуна амбань и просилъ обождать плыть далѣе, чтобы поговорить о разграниченіи на Амурѣ, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, а пограничные люди находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій.

9 мая въ Усть-Зейской станицѣ преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ заложенъ храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и станица переименована въ Благовѣщенскъ. 10 мая Муравьевъ поѣхалъ на своемъ катерѣ въ Айгунъ на обѣдъ къ амбаню. При вступленіи его со свитой на берегъ, его встрѣтили слабымъ салютомъ изъ маленькихъ мортирокъ. Катеръ и двѣ сопровождавшія его вооруженныя лодки отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій, громкій звукъ которыхъ испугалъ китайцевъ. У амбаня въ это время находился цзянь-цзюнь И-Танъ (главнокомандующій). Обѣдъ кончился въ 7 часовъ вечера.

Назавтра, 11 мая, Муравьевъ вручалъ цзянь-цзюню проектъ пограничной черты по Амуру, Уссури и по рѣкѣ Тюмень-ула до моря и просилъ посѣтить его въ 4 часа дня на

катерѣ. Цзянь-цзюнь прибылъ, обѣдалъ, остался доволенъ музыкой, особенно веселыми мотивами русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ.

12 и 13 мая Муравьевъ послалъ для переговоровъ чиновника Перовскаго. Оба эти дня прошли въ безцѣльныхъ разговорахъ. Китайцы хитрили, выставляя свою силу и превосходство, но не трудно было замѣтить въ нихъ сознаніе своего безсилія и страха предъ русскими. Перовскій далъ имъ понять, что въ Россіи хорошо знаютъ положеніе Китая, который неоднократно поступалъ предъ русскими недобросовѣстно, нарушалъ трактаты, сожегъ и разграбилъ факторію въ Чугучакѣ, и что всѣ эти дѣйствія могутъ вызвать разрывъ дружественныхъ отношеній. Упреки Перовскаго произвели на китайцевъ замѣтное впечатлѣніе.

14 мая Муравьевъ прибылъ въ Айгунъ, предложилъ уполномоченнымъ поскорѣе окончить дѣло и сообщилъ, что иначе онъ будетъ продолжать свой путь, и выѣхалъ изъ Айгуна. Китайцы испугались, что Муравьевъ уѣдетъ, они боялись разрыва съ Россіей и въ тотъ-же день послали справиться о его здоровьѣ. 15 числа они были уступчивѣе и согласились на всѣ пункты трактата. 16-го цѣлый день переписывались бѣловые экземпляры на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ и только вечеромъ трактаты были скрѣплены подписями.

Муравьевъ и цзянь-цзюнь обмѣнялись экземплярами и принесли взаимныя поздравленія. Этотъ трактатъ доставилъ Россіи болѣе милліона квадратныхъ верстъ богатой территоріи и открылъ удобный водный путь къ Великому океану.

18 мая Муравьевъ возвратился въ Благовѣщенскъ, гдѣ архіеп. Иннокентіемъ было отслужено благодарственное молебствіе, послѣ котораго Муравьевъ отдалъ по войскамъ приказъ:

„Товарищи! Поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы. Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи. Св. церковь молится за насъ. Россія благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ и процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтенная страна! Ура!».

21 мая Муравьевъ поплылъ далѣе, къ устью Амура. По пути было избраны мѣста по берегу отъ Малого Хингана до устья р. Уссури, гдѣ поселилось 500 семей амурскаго пѣшаго баталіона, образовавъ 18 станицъ. При устьѣ Уссури было основано поселеніе Хабаровское. 8 ію-

ия Муравьевъ прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ осмотрѣлъ казармы, церковь и другія зданія, выстроенныя въ теченіе двухъ лѣтъ его отсутствія. 10 прибылъ въ Николаевскъ, который растянулся на 1½ версты и имѣлъ до 200 только частныхъ домовъ.

Поднимаясь вверхъ по Амуру, по дорогѣ въ Иркутскъ, Муравьевъ ежедневно встрѣчалъ десятки барокъ и плотовъ. Это былъ пятый сплавъ. Ѣхавшіе на Амуръ солдаты привѣтствовали своего начальника громкимъ «ура», которое впервые раздавалось здѣсь уходящимъ вдаль эхомъ по горамъ и ихъ отрогамъ.

14 іюня 1858 г. были привезены въ Иркутскъ первыя извѣстія о заключеніи трактата. Быстро разнеслась по городу вѣсть объ этомъ счастливомъ событіи. Особенно живо отдавалась она въ средѣ иркутскаго торговаго сословія, гдѣ радость была единодушная и гдѣ съ удовольствіемъ пересказывали извѣстныя подробности хода дипломатическихъ переговоровъ и содержаніе трактата. Большая и разнообразная толпа народа наполнила площадь предъ гауптвахтою и мѣщанскими торговыми рядами въ день прочтенія здѣшнему гарнизону лаконическаго приказа по войску, даннаго ген.-губ. Н. Н. Муравьевымъ въ Благовѣщенскѣ 18 мая. Иркутскъ въ этотъ день представлялъ совершенно праздничный видъ. И. С. Хаминовъ угостилъ на свой счетъ мѣстный гарнизонъ, фабриканты распустили своихъ рабочихъ, какъ на воскресный день. Вездѣ только и говорили объ Амурѣ, всякій высказывалъ свои предположенія о развитіи съ настоящаго времени торговли и промышленности по вновь пріобрѣтеннымъ богатымъ краямъ.

Иркутяне желали должнымъ образомъ отпраздновать счастливое для Россіи событіе,—это было общимъ желаніемъ, но, въ виду отсутствія виновника событія, празднество было отложено до его возвращенія. Желая обставить пріѣздъ Н. Н. Муравьева возможно пышнѣе, иркутское общество остановилось на мысли для въѣзда Муравьева въ городъ съ заморскаго тракта при спускѣ съ Крестовой горы, близъ нѣмецкаго кладбища и городскаго шлагбаума, устроить тріумфальныя ворота, именовавъ ихъ «Айгунскими», а улицу Заморскую переименовать въ Амурскую. То и другое предложеніе было принято. И вотъ закипѣла постройка воротъ, къ половинѣ августа они были уже окончены.

Было извѣстно, что Муравьевъ пріѣдетъ 20 августа въ полдень. Къ этому времени вновь устроенныя тріумфіальныя ворота были изукрашены зеленью и флагами; всѣ высшіе чины и граждане иркутскіе предполагали у воротъ встрѣтить своего генералъ-губернатора. Но извѣщенный о готовящейся ему торжественной встрѣчѣ и не желая ея, Муравьевъ съ послѣдней станціи отправился по Ангарѣ въ лодкѣ. Прибывъ въ городъ, онъ сразу отправился въ соборъ (куда уже собрались всѣ желающіе его встрѣтить) для принесенія благодарственнаго молебствія за благополучно совершенное путешествіе и счастливое окончаніе великаго дѣла.

Въ соборѣ ген.-губернаторъ былъ встрѣченъ архіепископомъ Евсевіемъ, который совершилъ молебствіе и въ краткихъ, но вполнѣ соотвѣтствовавшихъ обстоятельству словахъ привѣтствовалъ Н. Н.

Со всѣхъ концовъ города спѣшили народныя массы къ собору, желая, съ своей стороны, привѣтствовать своего начальника, доказавшаго на дѣлѣ свое искреннее желаніе добра ввѣренному его управленію краю. По выходѣ изъ собора, Муравьева встрѣтило восторженное «ура».

Городское общество вошло съ ходатайствомъ чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ сибирскій комитетъ о разрѣшеніи оставить навсегда выстроенныя у спуска съ Крестовой горы «Айгунскія» ворота, какъ память радостнаго событія, совершившагося въ Айгунѣ. Ходатайство это было удовлетворено, и ворота эти по настоящее время украшаютъ Амурскую улицу. Надпись на нихъ: «Дорога къ Великому Океану» предуказывала путь къ вновь пріобрѣтенный край, а теперь намъ современникамъ они напоминаютъ о той амурской эпопеѣ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ волновала сибирское общество, и о героѣ ея Н. Н. Муравьевѣ, который, любя сибирскій край, сумѣлъ «безъ порохового дыма» разрубить тотъ Гордіевъ дипломатическій узелъ, который въ теченіе болѣе полуторалетъ нѣтъ никто не могъ разрубить.

На другой день, т. е. 21 августа, въ 8 час. вечера, на всѣхъ улицахъ и площадяхъ зажглись длинные ряды плошекъ, окна почти всѣхъ домовъ были освѣщены, нѣкоторыя зданія всѣ были унизаны плошками и разноцвѣтными фонарями; сотни разнообразныхъ транспарантовъ и щитовъ съ вензелемъ Н. Н. Муравьева красовались въ различныхъ мѣстахъ города. По словамъ старожиловъ, эта иллюминація—самая блистательная изъ

всѣхъ, когда-либо бывшихъ въ Иркутскѣ. Особенно красивый эффектъ производила иллюминація на берегу р. Ангары, противъ генералъ-губернаторскаго дома, съ ея колоссальнымъ транспарантомъ, легкими аркадами, рисующимися разноцвѣтными огнями на черномъ фонѣ Ангары и развѣвающимися флюгерами. Великолѣпно было освѣщено зданіе штаба войскъ, съ верху до низу все залитое огнями и, вообще, богато иллюминована вся площадь передъ этимъ зданіемъ, на которую выходятъ: часть гостинаго двора, гауптвахта, зданіе Сибирскаго отдѣла и нѣсколько частныхъ домовъ—всѣ красиво и разнообразно иллюминованные. Отъ этой площади къ берегу Ангары тянулся рядъ ярко-освѣщенныхъ лавокъ и домовъ, а у пристани самолета, въ видѣ воротъ, перекидывался черезъ улицу рядъ разноцвѣтныхъ фонарей. На Большой улицѣ особенно привлекали любопытныхъ: зданіе театра съ яркоосвѣщеннымъ фасадомъ и огромнымъ пейзажемъ.—видомъ города Николаевска—передъ входомъ. Горное отдѣленіе само богато освѣщенное, а изъ за него очень эффектно виднѣлась крыша недостроеннаго института, покрытая тысячами зажженныхъ шкаликовъ. Домъ г. Маріина, богато и очень красиво иллюминованный, и домъ г. Пестерева съ окнами и дверями, обрисованными горящими шкаликами и съ вензелемъ И. И. М. изъ цвѣтковъ. На Заморской улицѣ зданіе главнаго управленія Восточной Сибири, фасадъ котораго весь залитъ былъ огнями и напротивъ—столь-же богато освѣщенное зданіе гимназіи съ аллегорическою картиной наверху. Передъ этими всѣми домами весь вечеръ стояли толпы любовавшихся зрителей. Въ другой части города очень богато были иллюминованы: домъ дѣтскаго пріюта, общаго губернскаго управленія, г. военнаго губернатора и зданіе уѣзднаго института. По всѣмъ боковымъ улицамъ, выходящимъ на Большую, далеко тянулись длинныя нити огней. Эффектно рисовались, среди мрака ночи, освѣщенныя церковныя колокольни въ разныхъ мѣстахъ города. Почти все населеніе Иркутска гуляло по главнымъ улицамъ города, гдѣ въ этотъ вечеръ было гораздо болѣе движенія, нежели обыкновенно, бывало даже въ праздничный день.

Черезъ день послѣ того, 23 августа, городъ давалъ ген.-губ. Муравьеву большой обѣдъ въ залахъ благороднаго собранія. Служащіе всѣхъ вѣдомствъ и представители всѣхъ значительныхъ коммерческихъ домовъ Иркутска участвовали въ подпискѣ на этотъ обѣдъ. Въ бол-

шой залѣ помѣстилось за прекрасно сервированными столами болѣе 300 человѣкъ, многія дамы участвовали на этомъ торжественномъ обѣдѣ. Тосты за здоровье Государя Императора, Великаго Князя Константина Николаевича, Царской фамиліи, за здоровье. Н. Н. Муравьева, за благоденствіе Восточной Сибири были приняты съ единодушными, громогласно выраженными привѣтствіями; живымъ сочувствіемъ общества сопровождались и другіе провозглашенные тосты. Въ то время, когда провозглашенъ былъ тостъ за здоровье Николая Николаевича, представитель Амурской компаніи, А. В. Бѣлоголовый, обратился къ виновнику торжества съ слѣдующей рѣчью:

«Ваше превосходительство! Вы совершили великій, безпримѣрный подвигъ пріобрѣтеніемъ Россіи Амура. Европа смотритъ на это съ завистью, Америка съ восторгомъ. Многими соотечественниками оцѣненъ подвигъ вашъ по истинному достоинству: правда, въ русской семьѣ нашей есть и сомнѣвающіеся въ пользахъ отъ пріобрѣтенія Амура; скажу больше, есть не вѣрящіе въ пріобрѣтеніе его. Но это сомнѣніе, это невѣріе происходятъ отъ изумленія передъ великостью совершившагося событія. Они не могутъ представить себѣ, какъ пріобрѣсти рѣку почти въ 4000 верстъ и пространство земли слишкомъ въ милліонъ квадратныхъ верстъ, можно сказать, не порѣзавъ пальца, не истративъ рубля, безъ всякаго треволненія и страха не только для Россіи, но даже для мѣстъ, прилегающихъ къ пріобрѣтенному вами краю. Говорить о достоинствахъ мѣстъ пріобрѣтенныхъ—надобно говорить цѣлые дни; слѣдовательно, здѣсь невозможно, да и къ чему это? Подвигъ вашъ такъ великъ, что никакое восхваленіе наше не выразитъ и милліонной части дѣйствительной заслуги вашей. А между тѣмъ, зная просвѣщенный умъ вашъ, вашъ рыцарскій характеръ, я убѣжденъ, что вы ожидаете не звучныхъ фразъ похвалы, а содѣйствія, вы ожидаете дѣлъ. Ничѣмъ нельзя лучше утѣшить васъ, ничѣмъ нельзя болѣе оцѣнить труды ваши, какъ участіемъ въ дальнѣйшемъ устройствѣ края. Вы кончили 1-й періодъ исторической главы—вы пріобрѣли Амуръ съ притоками и гаванями на Тихомъ Океанѣ и начали 2-й, населяя и устраивая этотъ благодатный, но пустынный край. Теперь открывается 3-й періодъ—развитіе торговой дѣятельности. Этотъ послѣдній и важный періодъ вамъ безъ сотрудниковъ совершить будетъ невозможно. Но неужели не отзовется на вашъ привѣтливый, благоразумно-совре-

мѣлый призывъ наше русское купечество? Неужели мы, сибирскіе купцы, останемся холодными свидѣтелями торговаго развитія въ нашей отчизнѣ? Къ послѣднимъ, т. е. къ вамъ, почтенные мои сограждане, купцы сибирскіе, отношусь я и прошу васъ, съ свойственною вамъ практичностью, узнать объ Амурскомъ краѣ, обсудить положеніе его и сообразить, чего можно отъ него надѣяться, а затѣмъ, приняться дѣятельно съ энергіей и усердіемъ и приняться, не теряя времени. Помните, что неумолимое время течетъ, не останавливаясь, и если вы упустите это дорогое время и дадите случай воспользоваться старшимъ братьямъ нашимъ по торговлѣ, купцамъ россійскимъ, или еще хуже—купцамъ иностраннымъ, тогда потомки ваши отзовутся о васъ съ укоромъ; но если вы воспользуетесь благопріятными обстоятельствами, пойдете впереди другихъ, то труды ваши блистательно вознаградятся, а родина наша, наша дорогая обширная Сибирь, будетъ благословлять и имя и память вашу. Виновнику же сегодняшняго праздника, нашему истинно-доблестному начальнику, мы этимъ выкажемъ, что мы понимаемъ и оцѣниваемъ и заслуги и труды его, для славы и благополучія края нашего подъятые, и только въ этомъ найдетъ впослѣдствіи отдыхающая, благородная душа его, истинную награду за все имъ перенесенное. Простите, ваше превосходительство, бездарному витіи, хотѣвшему многое высказать, но оканчивающему искреннимъ желаніемъ вамъ долголѣтія, благоденствія и удовольствія дождаться и видѣть, что пріобрѣтеніе ваше приноситъ существенную пользу нашему отечеству вообще, а управляемому вами краю въ особенности. Милостивые государи! Нелицемѣрно пожелаемъ многія лѣта его превосходительству, Николаю Николаевичу! Ура»!

Надо было слышать, какимъ энтузіазмомъ и радостью дышало отвѣтное «ура» сибирскаго купечества. Мнѣніе такого практическаго человѣка, какъ Андрей Васильевичъ Бѣлоголовый, который, по уму и своей долголѣтней коммерческой опытности, пользовался первокласснымъ авторитетомъ въ средѣ иркутскихъ негоціантовъ, нашло сочувствіе и живой отголосокъ между сибирскими капиталистами.

Н. Н. Муравьевъ, поблагодаривъ А. В. Бѣлоголоваго за выраженныя имъ мысли и желанія, обѣщалъ всякое зависящее отъ него содѣйствіе всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ: всему, что можетъ послужить къ развитію торговли

и промышленности Восточной Сибири и предложилъ тостъ за благоденствіе этой обширной области русскаго царства. Обѣдъ продолжался съ 3 до 7 часовъ. Музыка играла во все время обѣда. Пушечные салюты сопровождали предлагаемые тосты. На площади-же передъ благороднымъ собраніемъ на средства купца Веретенникова устроено было угощеніе для простого народа и солдатъ здѣшняго гарнизона. Пять бочекъ водки выставлено было для желающихъ.

24 августа въ той-же залѣ благороднаго собранія назначенъ былъ большой балъ, въ иллюминованномъ саду при домѣ собранія, предполагалось гулянье, а на противоположномъ островѣ въ то же время долженъ былъ быть сожженъ фейерверкъ, но ненастная погода заставила отложить гулянье, иллюминацію и фейерверкъ до болѣе удобнаго времени и ограничиться однимъ баломъ.

Балъ былъ блистательный, на немъ присутствовали всѣ дамы высшаго иркутскаго чиновничьяго міра и купеческаго общества и продолжался далеко за полночь.

26 августа, день коронаціи Государя Императора, завершилъ рядъ иркутскихъ праздниковъ. День этотъ былъ отпразднованъ съ обычною торжественностью. Преосвященный Евсевій совершалъ богослуженіе во Владимирской церкви въ присутствіи всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ города. Вечеромъ былъ данъ у генералъ-губернатора балъ. Городъ былъ блестяще иллюминованъ, особенно Большая улица.

Такъ отпраздновалъ Иркутскъ заключеніе трактата 16 мая, такъ неожиданно и необыкновенно выгодно для Россіи разрѣшившаго въ этомъ году амурскій вопросъ.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о заключеніи Айгунскаго трактата, Государь Императоръ 26 августа 1858 года рескриптомъ благодарилъ Муравьева за его полезные и неутомимые труды на пользу и благоустройство Восточной Сибири, возвелъ его въ графское достоинство и присоединилъ къ фамиліи названіе **Амурскаго.** Извѣщая приказомъ по войскамъ отъ 2 октября о царскихъ милостяхъ, графъ Муравьевъ благодарилъ всѣхъ за труды, понесенные съ нимъ; 198 человѣкъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, получили щедрыя награды за участіе въ работахъ по присоединенію Амура.

Сибиряки, обрадованные присоединеніемъ Амура, старались по возможности вложить свою лепту въ дѣло благоустройства новаго края. Со всѣхъ сторонъ стали посту-

пать пожертвованія. Такъ, въ первое же время, по полученіи радостнаго извѣстія, поступило изъ Кяхты и Иркутска 5430 р. для построенія церкви въ Николаевскѣ. Для церквей въ Усть-Зейской станицѣ изъ Минусинска и Канска—1028 р. Получено отъ неизвѣстнаго изъ Петербурга на построеніе церквей въ Приамурскомъ краѣ двѣ тысячи рублей. Нѣкоторыя лица жертвовали церковную утварь, иконы, и т. п. Купецъ Митрофановъ изъявилъ согласіе всѣ приготовленные въ Иркутскѣ для усть-зейской церкви вещи и колокола доставить на собственный счетъ до гор. Верхнеудинска.

Къ началу 1859 г. Государь утвердилъ всѣ представленія Муравьева, касавшіяся до устройства вновь пріобрѣтеннаго Амурскаго края.

Лѣтомъ 1859 г. графъ Муравьевъ въ пятый разъ поѣхалъ на Амуръ, желая увидать дорогой ему край. На этотъ разъ онъ объѣхалъ все южное побережье, заходилъ въ заливъ Посьета, объѣзжалъ берега Кореи, заходилъ въ Бей-Чжилійскій заливъ и подплывалъ къ самому устью р. Пей-хо. Онъ убѣдился, что сила Россіи лежитъ на прибрежьи Великаго океана и выбралъ двѣ лучшія гавани—Владивостокъ и Посьетъ, куда чрезъ годъ 20 іюля 1860 г. прибыли команды и заняли ихъ.

Изъ пятой поѣздки Муравьевъ вернулся въ Иркутскъ 1 января 1860 года. Онъ отклонилъ готовившійся ему особый праздникъ, такъ какъ былъ очень недоволенъ иркутскимъ обществомъ изъ за дуэли между чиновниками Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, что и высказалъ въ рѣчи на пріемѣ чиновниковъ, купечества и представителей города. Чрезъ нѣсколько дней, безъ всякихъ проводовъ и обѣдовъ, уѣхалъ въ Петербургъ съ представленіемъ Государю о раздѣленіи Восточной Сибири и просилъ уволить его отъ управленія Сибирью, а на его мѣсто назначить генералъ майора Корсакова, но объ просьбы уважены не были. Тогда онъ испросилъ полугодовой отпускъ и уѣхалъ заграницу для леченія, но по разнымъ причинамъ вернулся ранѣе срока и 15 іюня былъ уже въ Иркутскѣ, послалъ въ Петербургъ Корсакова поддерживать его ходатайства о введеніи реформъ въ Сибири. 18 іюля, въ 4 часа дня, торжественно пришелъ съ Байкала съ пушечной пальбой, украшенный флагами пароходъ «Муравьевъ-Амурскій», на которомъ Н. Н. уѣхалъ за Байкалъ на двѣ недѣли. 2 ноября посланникъ Н. П. Игнатьевъ заключилъ дополнительный Пекинскій договоръ, по которому опре-

дѣлилась нынѣ существующая граница Россіи съ Китаемъ и закрѣпилъ за Россіей обширный край, лежащій между рѣкой Уссури, Восточнымъ океаномъ и границей Кореи, указанный Н. Н. Муравьевымъ при посѣщеніи имъ портовъ Восточнаго океана.

5 декабря Н. П. Игнатьевъ прибылъ въ Иркутскъ, на перевозѣ его встрѣтилъ Муравьевъ. Назавтра въ домѣ ген.-губернатора посланнику представлялись чиновники разныхъ вѣдомствъ и городское общество, поднесшее ему хлѣбъ-соль.

Въ тотъ же день въ честь его данъ былъ общественнымъ обѣдъ въ благородномъ собраніи. 9-го Игнатьевъ посѣтилъ третій литературный вечеръ (недавно учрежденные), на которомъ Романовъ прочелъ статью о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ. 10-го присутствовалъ на спектаклѣ любителей.

Муравьевымъ данъ былъ въ честь посланника балъ, который прошелъ чрезвычайно оживленно.

12-го посланникъ уѣхалъ въ Петербургъ, при чемъ полицейскѣ были устроены ему проводины въ загородномъ домѣ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря пріѣхалъ Корсаковъ и Муравьевъ началъ собираться въ Петербургъ; всѣ знали, что 17 января онъ уѣзжаетъ навсегда. Естественно что иркутяне желали отблагодарить Муравьева за славный тринадцатилѣтній періодъ его дѣятельности.

Проводины начались съ обѣда, даннаго графу городскимъ обществомъ. Потомъ былъ парадный спектакль, затѣмъ балъ, данный начальникомъ губерніи; потомъ обѣдъ, устроенный помощникомъ ген.-губернатора и членами совѣта главнаго управленія; наконецъ, обѣдъ, устроенный графу присутствующими въ Иркутскѣ начальниками губерній и областей Вост. Сибири. Въ свою очередь и графъ отплатилъ также обѣдомъ, на которомъ присутствовало все военное и гражданское начальство и представители городского общества. На обѣдахъ говорились по адресу графа Ник. Ник. рѣчи, въ которыхъ благодарили его за все, что онъ сдѣлалъ для Сибири; говорили, что Сибирь никогда не забудетъ времень генералъ-губернаторства Муравьева, когда чувствовался общій живой подъемъ общественной жизни.

17 января, къ 11 ч. утра, въ парадной залѣ дома ген.-губернатора собрались всѣ военные и гражданскіе чины, находящіеся въ Иркутскѣ, а въ другой залѣ собра-

лись депутаты близкихъ и отдаленныхъ волостей и инородческихъ вѣдомствъ, пріѣхавшихъ проститься съ своимъ начальникомъ—«Николаемъ Николаевичемъ», какъ большинство его звало.

Графъ вышелъ сначала къ чиновному міру, которому сказалъ краткую прощальную рѣчь, затѣмъ прошелъ въ депутатское зало, гдѣ въ народной средѣ сказалъ нѣсколько простыхъ привѣтственныхъ словъ; въ отвѣтъ прокатилось громкое «здравія желаемъ». Впечатлѣніе получилось такое, что депутаты на привѣтствіе графа отвѣтили неритіеватыми, но простыми звуками, исходящими прямо изъ сердца и служившими живымъ доказательствомъ, что между графомъ и представителями народа, которымъ онъ управлялъ 13 лѣтъ, есть крѣпкая, нерушимая, нравственная связь, которая одна только упрочиваетъ всякое управленіе.

Потомъ графъ, въ сопровожденіи всѣхъ собравшихся проститься съ нимъ, отправился въ соборъ, гдѣ преосвященнымъ было отслужено напутственное молебствіе отсюда въ благородное собраніе, гдѣ городскимъ обществомъ устроена была закуска.

Великолѣпная зала собранія была переполнена, она кишѣла людьми. Тутъ сошлись рядомъ представители всѣхъ слоевъ общества: всѣ они, по братски, соединились въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи.

Послѣ завтрака помощникъ ген.-губернатора Корсаковъ, отъ лица всѣхъ собравшихся, произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ графу чувства предстоящихъ ему лицъ. Тостъ, имъ предложенный за здоровье графа Николая Николаевича, былъ принятъ съ восторгомъ. Громкое «ура» не умолкало долго.

Графъ отвѣтилъ тостомъ за благоденствіе Восточной Сибири. Затѣмъ, городской голова отъ лица не только городского общества, но и всѣхъ сельскихъ и инородческихъ, собравшихся для проводовъ, въ словахъ краткихъ но полныхъ истиннаго чувства, пожелалъ графу счастливаго пути. Едва только успѣлъ онъ окончить свою рѣчь, какъ вся масса заколыхалась, кинулась впередъ... и... одна минута.... графъ былъ поднятъ на руки, на рукахъ вынесенъ въ экипажъ...

Затѣмъ, Муравьевъ, представители высшей администраціи и городского общества прибыли въ Вознесенскій монастырь. Отстоявъ молебствіе и позавтракавъ у настоятеля, отъѣзжающій въ послѣдній разъ простился съ провожавшими.

которые вынесли Николая Николаевича на рукахъ, на улицу. За воротами монастыря, крестьяне и инородцы, прибывшіе изъ города, вновь подхватили графа на руки донесли до экипажа и буквально его осадили. Одинъ бурятскій тайша, едва протискавшійся сквозь густую толпу, протянулъ въ окно возка графу руку и сказалъ: „прощай, графъ, мы тебя не забудемъ, насъ не забудь"!

Стоило большого труда успокоить волненіе, чтобы дать возможность двинуться экипажу... Возокъ двинулся. Народъ по прежнему стоялъ у площади предъ монастыремъ и долго смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающему; у всѣхъ на душѣ было горькое чувство разлуки съ человѣкомъ, который тринадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ на служеніе Сибири.

19 февраля Муравьевъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ опубликованномъ рескриптѣ, между прочимъ, сказано:

«Графъ Николай Николаевичъ! тринадцатилѣтними трудами вашими положены прочныя основанія къ утвержденію гражданскаго благоустройства и развитію промышленнаго благосостоянія Восточной Сибири. Необходимыя мѣры къ успѣшному заселенію весьма обширнаго вами пріобрѣтеннаго края, въ особенности съ измѣненіемъ юго-восточныхъ границъ онаго, и вызванныя мѣстными условіями распространеніе морскихъ и преобразованіе военно-сухопутныхъ учрежденій—составляли непрестанно предметы неутомимой заботливости вашей»... При рескриптѣ Н. Н. получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степ. съ мечами и ему было назначено содержаніе въ 15000 руб.

Муравьевъ въ приказѣ отъ 19 февраля по войскамъ Восточной Сибири говорилъ:

«Прощайте, достойные товарищи и сотрудники мои! Служба моя съ Вами на пользу отечества остается для меня самымъ отраднымъ воспоминаніемъ. Спасибо Вамъ, казаки, солдаты и матросы, за Вашу вѣрную и неутомимую службу, благодаря которой возникла русская жизнь въ новомъ Амурскомъ краѣ. Я горжусь, что командовалъ Вами въ то именно время, когда такъ много выпало на долю Вашу сдѣлать полезнаго Россіи».

Проживавшіе въ Петербургѣ сибиряки и лица, служившіе въ Сибири, а также принимавшіе служебное участіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія Амура, 1-го марта поднесли Нико-

лаю Николаевичу на память совершеннаго имъ подвига присоединенія Амура роскошные отлитые изъ серебра, по рисунку Зичи, идейные часы, съ фигурами казака, китайца и барельефами. Подношеніе это и сердечное отношеніе всѣхъ принимавшихъ въ этомъ участіе очень тронули графа.

Въ Петербургѣ Н. Н. въ скоромъ времени предали какъ бы забвенію. Главною причиною было то, что въ 1860 году и въ началѣ 1861 года русское общество было взволновано статьями Завалишина изъ Читы, появившимися въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ, гдѣ онъ далеко не въ благопріятныхъ краскахъ изложилъ современное положеніе амурскаго дѣла. Въ статьяхъ этихъ была голая правда, которую многіе знали, но боялись высказать. Завалишинъ познакомилъ Россію съ неустройствомъ вновь пріобрѣтеннаго края, на что пошли десятки милліоновъ рублей, какъ отъ казны, такъ и отъ частныхъ лицъ. Напримѣръ, только одинъ Е. А. Кузнецовъ, (на его средства построенъ иркутскій каѳедральный соборъ) на амурское дѣло разновременно вручилъ Муравьеву около трехъ милліоновъ рублей.

Министры и ранѣе этого не съ особеннымъ довѣріемъ относились къ Муравьеву, но послѣ разоблаченій Завалишина и тѣмъ болѣе.

Императоръ Александръ узналъ болѣе подробно о дѣятельности Муравьева въ Сибири и къ какимъ послѣдствіямъ она ведетъ Восточную Сибирь, узналъ, что донесенія и рапоты мало соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣла въ краѣ, управляемомъ Муравьевымъ.

Никто, конечно, не отрицалъ, что Муравьевымъ совершено историческое дѣло, что въ короткое время онъ успѣлъ оживить первобытныя пустыни Амурскаго края, что подобное большое дѣло въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ не могло не имѣть дефектовъ, хотя бы по недостатку способныхъ и полезныхъ помощниковъ, и понимали, что онъ очень былъ увлеченъ Амуромъ и не хотѣлъ считаться съ послѣдствіемъ вводимыхъ имъ реформъ, а потому амурская эпопея, къ сожалѣнію, имѣла много отрицательныхъ сторонъ.

Такъ, развитіе золотопромышленности повлекло неизбѣжное поднятіе цѣнъ на рабочія руки, тысячи крестьянъ-хлѣбопашцевъ были оторваны отъ сохи и увлечены на золотые пріиски, земледѣліе было заброшено, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ.

Отмѣна откупной системы вызвала развитіе въ Сибири винокуренія въ очень широкихъ размѣрахъ. что тоже тяжело отразилось на благосостояніи края.
о «темныхъ поборахъ», которыхъ взималось съ крестьянъ.

Не перечисляя всего, упомянемъ еще, напримѣръ. хотя иркутской, и енисейской губерній, забайкальской, и якутской областей—677,000 рублей въ годъ. Сборы эти производились якобы на содержаніе волостныхъ и инородческихъ управленій, а на самомъ дѣлѣ шли чиновникамъ. такъ какъ только при помощи этихъ денегъ чиновники могли поддерживать свое существованіе. Населеніе, было экономически разстроено отъ этихъ поборовъ, которые начали уничтожаться только при г.-губ. Синельниковѣ, когда были выработаны новые штаты и новое содержаніе для чиновниковъ. хотя утвержденіе ихъ послѣдовало уже при его преемникѣ.

Въ концѣ марта 1861 года Ник. Николаевичъ уѣхалъ въ отпускъ заграницу.

До 1868 года онъ непремѣнно жилъ, то въ Царскомъ Селѣ, то заграницей, былъ приглашаемъ иногда въ совѣтъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ колонизаціи Сибири, а съ этого года поселился въ Парижѣ, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ представителей русской колоніи.

Пріѣзжавшіе изъ Россіи лица считали за удовольствіе и честь посѣтить графа Муравьева. Сибиряки привозили ему въ подарокъ байкальскихъ омулей, китайскихъ яблокъ и пастилы.

Скончался Николай Николаевичъ 18 ноября 1881 года. 72-хъ лѣтъ, и похороненъ на монастырскомъ кладбищѣ въ Парижѣ.

Память о легендарной личности графа Муравьева до сихъ поръ жива въ Сибири, имя его произносится съ уваженіемъ, въ Хабаровскѣ ему открытъ памятникъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Сибири въ честь его открыли училища. Имѣются стипендіи его имени. Выясненіе и разборъ его ошибокъ, допущенныхъ во время присоединенія Амура, принадлежитъ исторіи.

Н. Мокѣевъ.

ПАСХАЛЬНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ ВЪ ИРКУТСКѢ.

Съ давнихъ временъ праздникъ св. Пасхи на Руси сопровождается различными народными гуляніями и увеселеніями. Не отступало отъ традиціоннаго праздника въ

этомъ отношеніи и населеніе Иркутска, съ первыхъ годовъ его основанія. Вѣдь не дикари какіе-нибудь были первые насельники Иркутска, а «россіяне», жители съ верныхъ областей Россіи. Избравъ Сибирь и, въ частности, Иркутскъ своею второю родиною, они перенесли сюда свои порядки, обычаи и празднованія.

Можно съ увѣренностью сказать, что еще во время управленія города комиссарами, а позднѣе—воеводами, у жителей Иркутска были уже пасхальныя народныя увеселенія; качели, балаганы со скоморохами, акробатами и т. п.

Семейства первыхъ насельниковъ Иркутска, начиная съ дѣтей и кончая ихъ матерями и отцами, находили себѣ въ дни Пасхи удовольствіе на этихъ общихъ гуляньяхъ. Дѣтвора была довольна даже однимъ общимъ праздничнымъ настроеніемъ, а тѣмъ болѣе, когда лакомилась сластями и пощелкивала сибирскими орѣхами. Матери гуляли съ «чадами», отдыхали отъ повседневной суеты и заботъ, а мужья и отцы, какъ люди болѣе серьезные, угощались водочкой, попивая ее изъ стеклянныхъ четырехугольныхъ штофовъ, съ гербами на каждой сторонѣ.

Тутъ можно было услышать какую-либо въ сибирскомъ духѣ оригинальную русскую пѣсню, а съ начала XVII вѣка, когда введена въ Сибирь ссылка, и пѣсню съ грустнымъ напѣвомъ. И такъ пасхальныя увеселенія шли изъ года въ годъ: молодежь подростала, старики умирали, а они все были неизмѣнны и неразрывны со свѣтлой седмицей и изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались о нихъ пріятныя воспоминанія.

Время шло... Городъ началъ застраиваться по направленію къ «потерянхѣ».—такъ называлась мѣстность между настоящими Казарменской и Мастерской улицами, въ лѣсу которой часто терялись коровы горожанъ. Застраивалась мѣстность и по направленію отъ Больной улицы къ горѣ, покрытой большимъ березовымъ лѣсомъ (теперь Іерусалимская).

Населеніе съ теченіемъ годовъ увеличивалось, постепенно мѣнялась общая *физіономія* города, мѣнялись костюмы, но пасхальныя празднества въ своей основѣ мало измѣнялись. Достовѣрно извѣстно изъ воспоминаній современниковъ, что въ серединѣ XVIII вѣка, въ концѣ его и въ началѣ слѣдующаго во многихъ домахъ иркутянъ къ Пасхѣ устраивали качели и сибирское «скаканье» на доскѣ. Кромѣ того, на площади были устраива-

емы круглыя большія качели съ сидѣньями и коньками, но гдѣ была эта площадь, неизвѣстно. Въ лѣтописи Иркутска отъ 1835 года уже упоминается, что во время праздника Пасхи на Спасской площади,—надо полагать между Спасской церковью и соборомъ, такъ какъ въ сторону Тихвинской церкви были базаръ и лавки,—устроенъ пріѣзжей изъ Россіи труппой подъ управленіемъ шведа Франца Радо большой балаганъ, въ которомъ происходили представленія отличнаго искусства верховой ѣзды съ хорошими дрессированными лошадьми.

Послѣ Пасхи еще два воскресенія были даваемы представленія и, въ заключеніе, спущенъ воздушный шаръ, который поднялся довольно высоко. Первый ли этотъ шаръ видѣли иркутяне или нѣтъ, лѣтопись умалчиваетъ. Въ половинѣ XIX вѣка пасхальныя гулянія принимаютъ уже ту форму, которая сохранилась и до нашихъ дней на площади Сперанскаго; только тогда она называлась военной, потому что на ней происходили парады и разводы.

Площадь тогда была окружена: Тихвинскою церковью и зданіями—музея, стоявшаго передъ входомъ въ церковь (онъ стоялъ такъ, что теперь загораживалъ бы двѣ трети ширины Амурской улицы), городской думы, мѣщанскаго торговаго ряда и гауптвахты, гдѣ теперь библіотека. Часть площади предъ нынѣшнимъ промышленнымъ училищемъ,—ранѣе на этомъ мѣстѣ были частные дома и театръ Краузе,—была занята массивнымъ, походившимъ на средневѣковую крѣпость купеческимъ, гостинымъ дворомъ, заключавшимъ въ себѣ около ста кладовыхъ.

Въ 1857 году на этой площади были устроены качели разныхъ видовъ, деревянныя горы, съ которыхъ скатывались по деревяннымъ рельсамъ въ небольшихъ колесныхъ повозкахъ, но это новшество не заинтересовало иркутянъ и строитель ихъ остался въ убыткѣ.

Зато была другая новинка, понравившаяся обывателямъ,—это большая двухъэтажная карусель, устроенная Кербером. Она стояла на серединѣ площади и представляла изъ себя нѣчто вродѣ высокаго открытаго павильона, на крышѣ котораго развѣвался флагъ. Двѣ лѣстницы въ два десятка ступеней вели на платформу внутрь павильона. Въ этомъ павильонѣ, съ котораго видна вся площадь, была устроена горизонтально-вертящаяся карусель, изображавшая собою поѣздъ желѣзной дороги.

Въ головѣ поѣзда находился паровозъ, а публика разсаживалась по открытымъ вагонеткамъ, носившимъ названія вагоновъ, на коихъ красовались наименованія городовъ: Москва, Римъ, Петербургъ. Дрезденъ, Парижъ. Бреславль и т. д. Эта карусель приводилась въ движеніе лошадьми, находившимися въ нижнемъ (закрытомъ) этажѣ карусели.

Въ день открытія этой новинки для пользованія публики (на второй день праздника) для большей иллюзіи изъ трубы паровоза шелъ дымъ отъ сожигаемой бересты но такъ какъ съ дымомъ полетѣли копоть и искры, дымъ былъ прекращенъ.

На этой карусели катались и старые, и малые.

— А что, женушка, пойдемъ прокатимся, пока на Керберовской дорогѣ, а то когда еще выстроятъ желѣзную дорогу на Читу-то,—говорилъ толстякъ-купецъ своей половинѣ и, пыхтя, взбирался по лѣстницѣ наверхъ.

Въ то время проектировалась постройка желѣзной дороги отъ Иркутска до Читы.

Съ 1857 года карусель Кербера болѣе тридцати лѣтъ фигурировала на площади въ пасхальные дни.

Затѣмъ, во время пасхальной недѣли, на площади всегда выпивалось много вина, а въ шестидесятыхъ годахъ выпивалась по 50 ведеръ вина въ день и, вообще, народъ любилъ погулять, чтобъ было чѣмъ помянуть.

Съ января 1869 года на военной площади во вновь выстроенномъ большомъ зданіи цирка иностранца Сулье начались «конныя ристалища», акробатическія и другія представленія. Представленія эти происходили и въ теченіе пасхальной недѣли. Съ легкой руки иностранцевъ Радо и Сулье, не побоявшихся отдаленной Сибири, въ послѣдующіе годы въ Иркутскъ на праздникъ Пасхи начали пріѣзжать изъ Россіи различныя труппы артистовъ, а съ начала семидесятыхъ годовъ и труппы китайскихъ фокусниковъ и акробатовъ.

Карусель Кербера работала до конца девяностыхъ годовъ и прекратила свою дѣятельность за ветхостію, а на смѣну ей появились «венеціанскія», со стеклярусомъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ съ Тихвинской площади убрали обгорѣлыя руины мѣщанскихъ торговыхъ рядовъ и купеческаго гостинаго двора, оставшихся послѣ пожара города въ 1879 году (фундаменты видны на площади и теперь). Размѣръ площади увеличился раза

въ три, а въ зависимости отъ этого увеличилось и количество праздничныхъ увеселеній для выманиванія пятаковъ изъ кармана обывателя. Появились различныхъ фасоновъ тиры «счастья», зыбки, качели, бросанія колецъ на гвозди, различныя рулетки, кегли,—все это, конечно, конечное, но, по пословицѣ: „съ міру по ниткѣ, голому рубашка», и эти многочисленные, мелкіе предприниматели зарабатываютъ обыкновенно хорошія деньги.

А сколько на площади торгашей со сладостями, минеральными водами, мороженымъ, и всѣ, если погода благопріятствуетъ, остаются довольны!

Въ концѣ девяностыхъ годовъ одинъ «смѣковатый» предприниматель вздумалъ удивить иркутянъ и кругомъ всей площади проложилъ рельсы и пустилъ въ ходъ «желѣзную дорогу». Подъ формою паровика была спрятана лошадь, которая и тащила вагоны. Однако, желающихъ кататься не оказалось.

— Скоро на настоящей поѣдемъ.—говорили гуляющіе и проходили мимо.

Управа за отдачу въ аренду мѣсть на Тихвинской площади подъ балаганы и торговлю на недѣлю Пасхи выручаетъ послѣдніе десять лѣтъ до двухъ тысячъ рублей и болѣе.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ, я могу еще сказать, что до конца восьмидесятыхъ годовъ пасхальныя гулянья на Тихвинской площади носили интеллигентный характеръ: наравнѣ съ сѣренькой публикой гуляла и чистая, а подъ вечеръ имѣвшіе лошадей считали своимъ какъ бы долгомъ ѣздить кругомъ площади въ два, три ряда, такъ что было трудно перейти черезъ улицу, но постепенно это выветрѣлось.

Въ девяностыхъ годахъ было уже такъ, что до вечерни (4часа) гуляла сѣренькая публика, а послѣ вечерни публика почище.

Но какъ традиціонное масляничное гулянье въ настоящее время утратило свое значеніе, такъ и пасхальное тоже измѣнило свой обычный характеръ. Въ послѣдніе годы, съ увеличеніемъ въ Иркутскѣ числа войскъ, пасхальныя гулянья на площади становятся привиллегіей только сѣренькой публики и солдатъ со своими «дульцинеями». Интеллигенція посѣщаетъ площадь для гуляній

перестала и только еще родители приходятъ сюда покатать своихъ малышей на диванчикахъ и лошадкахъ каруселей и водятъ ихъ въ балаганы къ пресловутому «Петрушкѣ», которому, кстати сказать, хотя и много лѣтъ, а умнѣе онъ стать все не можетъ.

Н. Можѣевъ.

ЗАМѢТКИ.

Къ пребыванію въ Томскѣ Государя Наслѣдника и Великаго Князя Николая Александровича. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1891 г. Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ проѣздомъ по Сибири посѣтилъ Томскъ. Городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ Августѣйшаго Гостя. Толпы народа стояли по улицамъ. Когда Государь Наслѣдникъ въ открытой коляскѣ проѣзжалъ по Почтамтской улицѣ, изъ толпы неожиданно выступилъ человѣкъ и бросилъ въ коляску, къ ногамъ Наслѣдника, какой-то свертокъ. Улица вздрогнула... «Бросилъ, бросилъ»!—тревожно понеслось по рядамъ. У всѣхъ промелькнула ужасная мысль о покушеніи. Когда прошелъ первый моментъ оцѣпенѣнія и коляска умчалась дальше, народъ заволновался. Скоро дѣло, однако, объяснилось очень просто. Въ Томскѣ жилъ въ ссылкѣ какой-то кавказскій дворянинъ Шумаха. Считая себя жертвой несправедливости властей, онъ засыпалъ разныя правительственныя учрежденія всякими прошеніями. Его считали помѣшаннымъ и не обращали на него никакого вниманія. Шумаха ухитрялся достать старые вице-губернаторскіе мундиры съ золотыми витыми погонами и важно разгуливалъ въ нихъ по Большой улицѣ, зорко наблюдая за тѣмъ, чтобы солдаты отдавали ему честь. Прозѣвавшихъ это дѣлать онъ рѣзекалъ тутъ-же на улицѣ самымъ жестокимъ образомъ. Особенно онъ наводилъ страхъ на молодыхъ солдатиковъ. Встрѣчая на улицѣ знакомую даму въ обществѣ какого-либо мужчины, реагировалъ на эту встрѣчу своеобразно: соперникъ кубаремъ летѣлъ съ тротуаровъ. Вотъ этотъ-то полоумный Шумаха, воспользовавшись пріѣздомъ Наслѣдника, и бросилъ въ экипажъ Цесаревича одно изъ своихъ обычныхъ прошеній. Къ пріѣзду Наслѣдника власти упустили изъ виду прибрать Шумаху и эта забывчивость доставила администраціи Томска не

мало непріятныхъ минутъ. Наслѣдникъ-же улыбнулся, когда ему бросили свертокъ.

С. Б. Г.

* *
*

Изъ жизни тобольскаго епископа Варлаама. Тобольскій епископъ Варлаамъ былъ большой любитель астрономіи. Изучая астрономію, онъ, говорятъ, написалъ даже въ опроверженіе канто-лапласовской теоріи о происхожденіи вселенной книгу, которая, впрочемъ, не имѣла успѣха. Для наблюденія надъ звѣзднымъ небомъ епископъ имѣлъ даже особую будку, гдѣ помѣщалъ телескопъ. Однажды Варлаамъ вздумалъ показать въ трубу тремъ монахамъ архіерейскаго дома звѣздное небо. Подходитъ первый монахъ; долго и напряженно смотритъ въ телескопъ.

— Ну, что? видишь-ли что-нибудь?—спрашиваетъ епископъ.

— Вижу, Владыко. Не даромъ Писаніе говоритъ: «Небеса повѣдаютъ славу Божію»!

Подходитъ другой монахъ и такъ-же внимательно глядитъ въ трубу.

— А ты, что видишь?—снова вопрошаетъ епископъ.

— Ужъ такъ, Владыко, хорошо, такъ хорошо, что „не лѣть есть человѣку и глаголоти“!

— Ты теперь посмотри,—обращается Варлаамъ къ третьему монаху.

Послѣдній сначла внимательно смотритъ въ трубу, затѣмъ начинаетъ проявлять явное нетерпѣніе.

— Что видишь?

— Ничего, Владыко, не вижу.

— Какъ ничего? Быть не можетъ! Дай я самъ посмотрю.

Епископъ наклоняется къ трубѣ и встрѣчаетъ тамъ полную темноту. Секретъ оказался простъ. Наставивъ телескопъ сбычнымъ наклономъ въ опредѣленное мѣсто звѣзднаго неба, епископъ забылъ снять съ передняго конца трубы кожаный колпачекъ. Первые два монаха, восхвалявшіе красоту неба, боясь суроваго епископа, не рѣшались сказать ему правду, но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая польстить своему начальнику, немилосердно врали. Можно себѣ представить гнѣвъ епископа, съ которымъ онъ обрушился на мистификаторовъ.

— Вонъ отсюда!—закончилъ свой сеансъ Варлаамъ

При рытьѣ канавы для фундамента подъ новый домъ, въ землѣ найдены были хорошо сохранившіяся, бѣлыя человѣческія кости. О неожиданной находкѣ сообщили Варлааму, который распорядился призвать врача. Между епископомъ и врачемъ произошелъ слѣдующій любопытный діалогъ:

— Можетъ-ли ваша наука опредѣлить, кому принадлежатъ найденныя кости: человѣку, или животному?

— Можетъ, Владыко.

— Можетъ-ли ваша наука сказать, чьи эти кости: мужчины, или женщины?

— И это можетъ, Владыко; строеніе костей (тазовыхъ) показываетъ, что кости принадлежали женщинѣ.

— А можетъ-ли ваша наука опредѣлить, какой женщинѣ принадлежали кости: дѣвственницѣ, или блудницѣ?

— Нѣтъ, наша наука безсильна это сдѣлать.

— Вотъ то-то и есть!—закончилъ свой разговоръ епископъ.—А наша наука,—богословіе,—можетъ это сдѣлать: наша наука говоритъ, что кости дѣвственницы благоухаютъ и цвѣтутъ, а кости блудницы смердятъ!

Въ поѣздкахъ по епархіи Варлаамъ неопустительно экзаменовалъ духовенство въ знаніи имъ своихъ обязанностей, безотносительно къ возрасту, заслугамъ и образованію священнослужителей. Глубокіе старцы, студенты семинаріи—всѣ подвергались экзамену. Не обходилось безъ курьезовъ, особенно, когда подъ вопросы епископу попадался какой-нибудь батюшка изъ простецовъ. Переведенный въ семидесятыхъ годахъ прошл. стол. въ Пензу, Варлаамъ и тамъ не оставлялъ своихъ экзаменовъ, о которыхъ печатались забавныя свѣдѣнія въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

С. Б. Г.

* *
*

Иркутскія эпиграммы. *(Продолженіе).*

7 Забытый городъ.

(На городского голову В. П. Сукачева).

„Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ".

Некрасовъ.

У Иркутска, града, что слыветъ столицей—
Матушки Сибири, словно хищной птицей,
Склевано богатство—много тысячъ будетъ.
„Голова пріѣдетъ, голова разсудитъ"—

Мыслитъ обыватель... Строилъ мостъ иркутный.
Инженеръ, хоть милый, но весьма безпутный,
Видя въ томъ не дѣло, а свою карьеру....
«Голова пріѣдетъ, будетъ инженеру»,—
Думаютъ граждане,—„дастъ ему онъ гонку“.
Нѣкто проситъ права провести намъ конку,
Освѣтивъ нашъ городъ... Данъ отвѣтъ: „прибудетъ
Голова и просьбу вашу самъ разсудитъ“.
Мостъ снесло водою вешняго разлива...
Въ лужахъ нашихъ улицъ плаваетъ кичливо
Стая дикихъ утокъ... Ночью зги не видно,
Какъ луна не свѣтитъ... Ей же, знать, обидно
Тратить свѣтъ свой даромъ, лишь управцамъ въ руку.
Обыватель долженъ видѣть въ томъ науку:
„Не шатайся поздно. Ночь для сна дана намъ;
Спи, какъ спятъ управцы, прислонясь къ диванамъ:
Знай храпятъ, лишь кто-то вдругъ порой забредитъ»...
Головы все-жъ нѣту... голова не ѣдетъ...
Наконецъ, въ судѣ мы, празднуя реформу,
Голову узрѣли. Онъ облекся въ форму,
Дня три суетился, выпрямивъ станъ гордо;
Со спины напомнилъ англійскаго лорда.
Рѣчь сказалъ и слезы умиленья вытеръ.
Сѣлъ въ курьерскій поѣздъ и—уѣхалъ въ Питеръ.—

Незамѣтный.

Іюнь. 1897 г.

8 Замѣчательно, удивительно.

Замѣчательно, удивительно,
Какъ живется намъ восхитительно.
Населенъ нашъ край все *отбросами:*
Россіянами, малороссами,
И евреями, и татарами;
Нагрѣшившими много барами,
Да купечествомъ, да крестьянами,
Да черкесами и армянами.
Лишены всѣхъ правъ состоянія,
Лишены всего достоянія,
Одичалые, озлобленные,
Съ дорогой семьей разлученные,
Зачерствѣли здѣсь люди ссыльные,
Духомъ слабые, тѣломъ сильные.
И срываютъ злость надъ невинными,
То съ арканами ходятъ длинными,

То съ ножомъ однимъ, то съ удавкою....
Дорожатъ они винной лавкою,
Грязной портерной, да бездѣліемъ,
Буйной выпивкой, да похмѣліемъ.
Удивительно, замѣчательно,
Охраняютъ насъ такъ старательно,
Что должны мы жить не опасливо,
Какъ въ Аркадіи—мирно, счастливо.
Сторожей ночныхъ, мѣстныхъ жителей,
Приставляютъ къ намъ изъ грабителей,
Къ дѣтямъ—нянюшку, срокъ отбывшую,
Двухъ дѣтей своихъ погубившую,
И кухаркой мы восхищаемся,
Отъ трудовъ ея насыщаемся,
Хоть и есть за ней преступленіе,
Десяти людей отравленіе.
Замѣчательно, поразительно,
Какъ сложилась жизнь удивительно.
Сколько счастья въ ней и пріятности,
Сколько видимъ мы деликатности
Отъ жигановъ всѣхъ, отъ грабителей,
Нашихъ недруговъ и мучителей!
Ихъ любезность въ томъ проявляется,
Что дневной грабежъ не встрѣчается,
Если вѣрить намъ нашей гласности,
Мы проводимъ день въ безопасности,
Были-бъ рады мы, люди смирные,
Но хозяева здѣсь квартирные,
Грабежомъ дневнымъ занимаются,
Обобрать жильца такъ стараются.
Хоть дома подъ часъ и чалдонскіе,
А квартиры въ нихъ есть баронскія
По цѣнѣ своей ужасающей,
И столичную превышающей.
И сидятъ жильцы прохлаждаются,
Изо всѣхъ щелей обдуваются.
Дѣло зимнее, стужа лютая,
А постройка вся вѣтромъ вздутая...
Руки мерзлыя потираючи,
Въ ней скорбятъ жильцы, напѣваючи:
„Замѣчательно, удивительно,
Какъ живется намъ восхитительно“.

9-го декабря 1901 года.
Иркутскъ.

Редакторъ-издатель *А. Линьковъ.*